

ПСИХОЛОГИЯ УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ И ССУЗОВ

Г. С. Абрамова

Психология развития и возрастная психология

[издание исправленное и переработанное]
УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ И ССУЗОВ

ПРОСВЕЩЕНИЕ
powerex

Психология. Учебное пособие для вузов и ссузов

Галина Абрамова

**Психология развития и
возрастная психология**

«Прометей»

2018

УДК 159.9
ББК 88

Абрамова Г. С.

Психология развития и возрастная психология / Г. С. Абрамова — «Прометей», 2018 — (Психология. Учебное пособие для вузов и ссузов)

ISBN 978-5-906879-68-4

Учебник содержит факты, закономерности и теории психического развития современного человека. Книга предназначена для студентов высших учебных заведений, изучающих психологию как специальный предмет, и для всех, интересующихся проблемами психического развития. Учебник соответствует ФГОС 3+ и предназначен для студентов вузов, изучающих дисциплины «Общая психология», «Психология личности», «Психология развития и возрастная психология», «Педагогическая психология», «Экспериментальная психология», «Основы консультативной психологии», «Специальная психология», «Общепсихологический практикум», «Психодиагностика», «Психология стресса», «Психология семьи», «Психология социальной работы», «Социальная психология». Издание также предназначено для студентов ссузов, изучающих дисциплины «Психология», «Возрастная психология и педагогика», «Семьеведение», «Психология и андрогогика лиц пожилого возраста и инвалидов», «Основы педагогики и психологии», «Психология общения». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-906879-68-4

© Абрамова Г. С., 2018

© Прометей, 2018

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Галина Сергеевна Абрамова
Психология развития и
возрастная психология
(издание исправленное и переработанное)
Учебник для вузов и ссузов

© Г. С. Абрамова, 2018

© Издательство «Прометей», 2018

* * *

*Посвящаю с любовью и благодарностью светлой памяти моих
родителей – Абрамовой Нины Михайловны и Абрамова Сергея
Владимировича*

Так получилось, что книга, написанная мною для самой себя, стала учебником. С того дня, когда я писала её первые страницы, прошло много времени. Сегодня это время измеряется уже годами. Изменилось всё – страна, в которой я живу, моё семейное положение, мой возраст и даже способ, каким я пишу эти строчки. Неизменными для меня осталась только любовь к людям и желание делиться увиденным и пережитым. Психология развития и возрастная психология – очень живые области знания, они ежедневно пополняются новыми данными о жизни людей в разных культурах. Рождаются и умирают теории и гипотезы, но остаётся жажда людей к познанию собственного назначения, механизмов и закономерностей собственного развития. Эта жажда создаёт разные виды знания, одно из них – научное. Читатель составит о нём своё мнение и по моей работе, а мне остаётся надеяться на возможность обратной связи.

Дания: весна – лето 2008, весна – лето 2017

Предисловие

Интерес человека к самому себе естественен и обоснован. Интерес к другим людям часто имеет совсем другие причины, и разнообразие их столь же велико, как и разнообразие человеческих судеб. Наука пытается анализировать жизнь людей, организуя непосредственный живой интерес людей друг к другу с помощью теорий, категорий, понятий и других средств и способов мышления, которыми обладают люди науки. Результаты их работы позволяют увидеть в едином потоке человеческих жизней те уникальные, воспроизводящие жизнь человека как человека факты, законы и закономерности, увидеть и понять, что каждый человек воспроизводит в своей судьбе человеческое и создает своей жизнью свое, расширяющее, уточняющее, дополняющее представление, знание о том, что есть человек.

Жизнь устроена так, что рано или поздно любой из нас сталкивается с жизненной ситуацией, которая заставляет обсуждать, ставить, формулировать вопросы: «Что со мной происходит? Почему это со мной происходит?». Так человек встречается с необходимостью нового знания о самом себе. Здесь и приходит на помощь наука, предлагающая обобщенное знание, в котором можно (думаю, что нужно) найти ответ на вопросы о том, что происходит со мной.

Ответы могут быть самые разные, но все они будут отнесены к тому периоду жизни, который человек переживает, а периоды бывают разные: критические, сензитивные, стабильные. Каждый период имеет свое происхождение и, в известном смысле, может быть предсказан даже самим человеком, если он умеет (научился, захотел научиться) анализировать свою жизнь.

Такую возможность анализа своей и чужой жизни дает психология развития и возрастная психология, одна из самых сложных и интересных отраслей современной психологии. Без знания о периодах жизни человека нельзя работать учителю в школе, воспитателю в детском саду, врачу в больнице, адвокату в суде, психотерапевту в клинике. Без этого знания трудно быть мамой, папой, бабушкой, дедушкой и... даже ребенком (особенно взрослым ребенком).

Слушатели и студенты, которым я читала курсы по психологии развития и возрастной психологии, спецкурсы по конкретным проблемам, всегда с интересом относились к фактическому материалу и с большим трудом воспринимали теорию психологии. Однако, проходили годы, и, встречаясь с повзрослевшими студентами – уже учителями, психологами, мамами и папами, слышала от них слова о том, что важно «какое-то общее знание о жизни».

Наверное, похожего знания когда-то я искала сама. Для меня это стало своего рода читательским заданием. Его я и попробовала выполнить в этой книге.

Я бесконечно благодарна всем читателям моих книг, кто нашел в себе силы и время на то, чтобы поговорить со мной о них.

Еще раз выражаю свою бесконечную любовь моей семье за помощь и поддержку в работе.

Беларусь, январь 1999 г. Дания, май 2017 г.

Глава 1

Что такое психология развития и возрастная психология?

Учёный обладает готовыми понятиями и будет пытаться объяснить «факты» при помощи этих понятий, таким образом, он будет подходить предвзято, будет смотреть сквозь определённые очки и, как знать, будут ли эти очки пояснять или искажать картину?

Мать близко знает своего ребёнка, однако по большей части это знание на данный момент. Если психология вооружит её определёнными точками зрения, которые сделают ясными основные черты развития, она лучше сумеет следить за своим ребёнком.

К. Коффка¹

*– Психологов развелось, а толку от них – никакого.
(Из разговора).*

Ключевые слова: наука, предмет науки, закономерность, «Я» исследователя, психическая реальность, возраст, картина мира.

В результате изучения данной главы студенты должны:

знать особенности научного знания;

уметь различать бытовое и научное знание;

владеть понятием психическая реальность.

Я могла бы продолжить эпиграф цитатами из других авторов, но позволю привести себе только один – тот, который чаще всего встречается в разговоре со взрослыми о детях. Это вопрос – риторический, эмоционально насыщенный, чаще тревожный, чем оптимистичный – Что с ним дальше будет?

¹ К. Коффка. Основы психического развития. М.-Л. 1934 – с. 2

Возрастная психология – это наука. Серьезная, академическая наука, состоящая из нескольких разделов – отраслей, каждый из которых изучает какой-либо возраст – от младенческого до старческого (детская психология, психология дошкольника, геронтопсихология (это о стариках)).

Как всякая наука, она обсуждает вопрос о своем предмете, методах, методиках, критериях истины, спорит о наличии этой истины в той или иной теории. Как всякая наука, она стремится описать свой предмет в специальных терминах – научных понятиях, отделить его от предметов других наук, даже родственных, например, от общей психологии, психофизиологии, тоже изучающих возраста: те большие биологические часы, которые начинают свой ход с момента зарождения человека. Всем известно направление движения этих часов – от рождения к смерти. Ход их неумолим, он определен самой природой, и, очевидно, что каждый человек подчиняется этому ходу. Но это скорее лирическое отступление, чем описание предмета возрастной психологии.

Возрастная психология пытается изучить закономерности психического развития человека, нормального человека. Таким образом, она ставит важнейшие вопросы о существовании самих закономерностей, о степени их всеобщности, то есть обязательности для всех. В то же время появляется вопрос (и весьма конкретный) о том, что такое психическое развитие и кто его может определить. Кроме того, встает вечный философский вопрос о том, какого человека считать нормально развивающимся.

Если вы отнесете эти вопросы к себе в таком, например, виде, то почувствуете, насколько они могут быть важными для вашей судьбы:

- Нормальный ли я человек?
- Развитый ли я человек?
- Соответствует ли мое развитие моему возрасту?
- Что изменится (и изменится ли вообще) в моем внутреннем мире с возрастом?
- Смогу ли я сам изменить себя?

Эти же вопросы можно задать в отношении любого человека. Точность ответа на них может существенно повлиять на судьбу человека – на его собственные решения и решения других людей, от которых могут зависеть его важные личные события.

Возрастная психология изучает не только то, что происходит с человеком сегодня, она располагает данными о том, что может быть в жизни человека вообще, так как пытается изучить всю его жизнь. Естественно, что каким-то возрастам уделяется большее внимание, а каким-то – меньше. Происходит это, как писал Э. Фромм, отчасти потому, что «ученый, занимающийся изучением человека, более всех других исследователей подвержен воздействию социального климата. Это происходит оттого, что не только он сам, его образ мыслей, его интересы и поставленные им вопросы детерминированы обществом (как это бывает в естественных науках), но также детерминирован обществом и сам предмет исследования – человек. Каждый раз, когда психолог говорит о человеке, моделью для него служат люди из его ближайшего окружения – и прежде всего он сам. В современном индустриальном обществе люди ориентируются на разум, их чувства бедны, эмоции представляются им излишним балластом, причем так обстоят дела и у самого психолога, и у объектов его исследования»².

С этим трудно не согласиться. В связи с этим вспоминаются слова Д. Б. Эльконина, сказанные на одной из лекций по детской психологии: «Я стал по-настоящему психологом только тогда, когда родился внук».

«Я» исследователя соприкасается с «Я» исследуемого теми гранями, которые есть у каждого из них. Чудо возрастной психологии состоит в том, что она позволяет исследователю прожить в своей собственной жизни множество событий, связанных с обновленным пониманием

² Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм – М., 1994 – С. 22.

жизни других людей. Развитие, обновление видения можно наблюдать в текстах З. Фрейда и Ж. Пиаже, Л. С. Выготского и Д. Б. Эльконина, в работах Э. Эриксона и Э. Фромма. Это увлекательная и, на мой взгляд, мало исследованная страница истории возрастной психологии.

Итак, возрастная психология как наука начинается с того момента, когда встречаются два человека, имеющих разные цели: первый человек – это взрослый, который ставит своей задачей получение истинного, точного знания о закономерностях психического развития, а вторым человеком может быть ребенок, ровесник взрослого или кто-то старше его по возрасту – человек, которого психолог назовет испытуемым, исследуемым.

Уже само возможное различие в физическом возрасте порождает проблему понимания. Эта проблема многократно усложняется, когда речь идет об изучении ребенка. Как это сделать, чтобы получить точные данные?

Листаю старые и новые книги, читаю мудреные названия: *экспериментально-генетический метод, клиническое наблюдение, лонгитюдное исследование, метод поэтапного формирования, включенное наблюдение, лабораторный эксперимент и тому подобное*. Оставим подробное описание этих процедур специальным изданиям, в этой книге я попробую выделить *главное во всех методах* (естественно, главное с моей точки зрения): они расчленяют, разделяют непрерывное течение жизни человека на отдельные ситуации, закономерные с точки зрения исследователя, экспериментатора. Строгая фиксация этих ситуаций в материалах научных протоколов позволяет анализировать именно эти ситуации, а не видение самого ученого. Хотя, если протокол не формализован (нет стандартной формы), то, естественно, исследуемая ситуация будет видаться и пониматься по-разному всеми ее участниками и лицами, которые попытаются ее повторить.

Исследователь в возрастной психологии имеет дело с протоколно зафиксированной ситуацией. Она для него предмет анализа и объяснения – интерпретации.

Есть один вид исследования, который, кажется, позволяет преодолеть эту фрагментарность и ситуативность в понимании человека, – это дневники. Дневники самих людей, написанные от первого лица, и дневники, повествующие о жизни кого-то, – знаменитые дневники матери, например, описывающие развитие ребенка.

Психологии как науке с момента ее зарождения было трудно выделить и удержать свой предмет исследования. Одна из причин этого состоит в снижении профессионализма психологов и в том, что каждый человек обладает иллюзорной уверенностью в том, что он всегда сможет понимать, исследовать, управлять другим человеком, потому что сам тоже человек.

Фантазия исследователя, экспериментатора, ученого дополняет систему жизненных фактов до теории, до обобщения, позволяющего использовать его в дальнейшем для понимания других фактов.

Ученые используют такие понятия для описания своей экспериментальной и теоретической работы: практическая и теоретическая актуальность, предмет, задачи, методы и гипотезы исследования. Это очень важные моменты организации научной работы, так как именно они позволяют уточнить связь их индивидуальной работы с тем, что делают в этом направлении коллеги – отечественные и зарубежные.

Практическая актуальность – это описание тех лиц или сфер деятельности, где на практике может быть использовано получаемое знание.

Теоретическая актуальность предполагает формулировку проблемы (или проблем) с точки зрения самой науки, закономерностей ее развития как особого явления в жизни общества, как особого явления в жизни самого ученого.

В момент осознания теоретической актуальности своей работы ученый с необходимостью обращается к своим переживаниям по поводу ценности, истинности получаемого им знания, что может обострить его отношения с коллегами, даже со всем научным сообществом.

Понятие проблемы и теоретической актуальности позволяет ученому осознать его философскую позицию в понимании жизни человека и конкретизировать ее в виде собственной теории, проясняющей законы человеческой жизни. История науки и наше время дают множество примеров личного научного мужества ученых, сумевших заявить о существовании своей собственной теоретической позиции в понимании человека.

Практически любой автор любой теории – З. Фрейд, К. Юнг, Л. С. Выготский, Ж. Пиаже и другие знаменитые и не очень исследователи – переживал момент интеллектуального и эмоционального напряжения, связанного с предъявлением своей позиции для научной общест­венности, произнося: «Я считаю иначе» или «Я считаю так». Достаточно в этой связи вспомнить факт из биографии З. Фрейда, когда он в течение восьми лет был практически лишен общения с научной общественностью, так как высказал свою точку зрения.

В возрастной психологии проблемами можно считать несколько вопросов, постоянно присутствующих в деятельности ученого, исследующего закономерности развития психической реальности.

Будем считать проблемой вопрос, на который нет однозначного ответа, Такие вопросы можно разделить на две (очень условные) категории: вечные вопросы (или проблемы) и переходящие, то есть ситуативно обусловленные.

Вечные проблемы науки возрастной психологии можно было бы, думаю, сформулировать так:

- Что такое психическая реальность?
- Как она развивается?
- Как можно предсказать ее развитие и воздействовать на него?

Естественно, эти вечные вопросы смыкаются с вопросом о том, что есть человек, то есть с вечным философским, или, как говорят, методологическим вопросом.

Возможность работать над этими вопросами для ученых зачастую связана с решением переходящих, то есть обусловленных конкретным историческим временем, проблем, или, как говорят, социальным заказом.

Гипотезы (или гипотеза) дают основание для построения закономерности, соотнесения ее с другими, уже известными; таким образом, гипотезы позволяют увидеть не только настоящее время какого-то факта, но и его возможное прошлое и будущее. Гипотеза лишает факт статичности, ограниченности, мимолетности. Через гипотезу факт (-ы) становится материалом для построения системы мышления, организующей понимание жизни человека человеком.

Ученый осознает свою гипотезу, понимает ее неполноту и ограниченность. Люди в обыденной жизни склонны придавать гипотезам всеобщее значение, даже не обращая внимания на то, что устанавливаемая ими связь между фактами или их свойствами может носить случайный, временный, ситуативный характер, например, связь между фактом присвоения ребенком чужой вещи и воровством – фактом криминальной жизни взрослых.

Для ученого, изучающего возрастную психологию, гипотеза (ы) о связи этих фактов может вообще отсутствовать, так как он включает их в контекст разных задач своего исследования.

Задачи исследования психической реальности связаны для ученого со строго определенными целями, отражающими логику его собственной работы со свойствами психической реальности. Так, целью исследования может стать анализ литературы по проблеме, или апробация конкретной методики, или проведение пробного (пилотажного) исследования и тому подобное.

Задачи по мере их решения расширяют информационное поле профессиональной деятельности психолога, способствуют уточнению гипотез, совершенствованию теории, а при необходимости приводят к реорганизации всего стиля профессионального мышления ученого.

Итак, ученый, профессионально работающий в области возрастной психологии, имеет дело с ее проблемами, решает свои задачи в контексте современной ему социальной жизни. При этом структуру науки, то есть ее относительную устойчивость как социокультурного образования, позволяют поддерживать специфичные для нее методы исследования.

Метод исследования – это осознанный ответ на вопрос о том, как было получено конкретное знание и насколько оно истинно. Осознанность методов исследования как способов получения фактов наиболее отчетливо, на мой взгляд, проявляется в содержании глаголов «видеть» и «смотреть», «слушать» и «слышать». Известно, что можно смотреть и не видеть, то есть не заметить, не осознать самого процесса смотрения, что невозможно для видения. Видение основано на активном, организованном отношении как к предмету, на который оно направлено, так и на собственные усилия видящего.

Метод исследования – это и есть организованное видение, которое предполагает смотрение только как момент спонтанности самой жизни.

Исследователь может осознать, передать другим людям, как организовано его видение, но как происходит смотрение осознать бывает очень сложно, почти невозможно.

Видение ученого-исследователя, изучающего факты жизни человека, активно и организовано не только с помощью его собственной рефлексии (его собственных усилий, направленных на акты своего же собственного отношения к фактам жизни), но и с помощью методик.

Методики – это средства получения фактов, характеризующих закономерности жизни человека. Эти средства могут быть, как созданы самим исследователем, так и заимствованы у коллег, живущих или живших в разные с ним исторические времена. Так, сегодня мы можем работать с задачами Ж. Пиаже, которые были сформулированы им много десятилетий тому назад, и т. д.

Методика внешне может выглядеть по-разному: словесный опрос, рисунок, действие, движение и тому подобное. Основное отличие ее от аналогичных продуктов деятельности человека в том, что, во-первых, она (методика) включена в контекст решения научных проблем; во-вторых, она предполагает соотнесение получаемого факта с системой гипотез, то есть с научной теорией; в-третьих, она всегда существует в свете конкретных задач конкретного автора и отражает его теоретическую позицию; в-четвертых, в содержании методики осознаны ограничения в построении гипотез на основе фактов, получаемых с помощью этой методики.

Другими словами, ученый-исследователь, применяя методику для получения фактов, осознает роль и место этих фактов как в своем собственном мышлении о них, так и в жизни исследуемого человека.

Мы уже говорили, что возрастная психология имеет дело с проблемами психического развития. Без понимания того, что же такое психическое, что такое психическая реальность, к этой глобальной проблеме подойти практически невозможно.

Психологам приходится опираться на философские идеи о сущности человека, для того чтобы на уровне теоретической гипотезы оформить собственное представление о предмете своего же научного исследования.

С этой точки зрения важным представляется то, как видит исследователь свою собственную роль в получаемых и анализируемых им фактах, более отстраненным и, насколько это уместно для науки, благоговейным.

Может быть, бесчисленное множество вариантов проявления философской позиции исследователя, но основная линия различия между ними проходит, думается, через осознание зависимости исследуемого факта чужой жизни от собственной жизни.

Заинтересованного читателя прошу остановить свое внимание, на явлениях – трансфера и контртрансфера, присутствующих в психотерапевтической практике. Индивидуальный характер отношений, возникающий у исследователя и исследуемого (врача и пациента тоже),

ставит под вопрос возможность изучения их экспериментальными, требующими воспроизведения, повторения факта, методами.

Так в истории изучения человека человеком возникла особая проблема – проблема взаимодействия, суть которой кратко можно было бы сформулировать так: исследуемый и исследователь изменяют друг друга в их совместном действии (чувстве, движении).

Особенно сложной становится ситуация с формирующим экспериментом, его ролью и местом в получении психологических фактов. Известно, что формирующий эксперимент возникает при следующей схеме организации научного исследования:

- констатирующий эксперимент – получение системы фактов;
- формирующий эксперимент – организованное контролируемое воздействие на систему фактов;
- контрольный эксперимент – фиксация изменений в системе изучаемых фактов.

Сложность анализа результатов воздействия состоит в том, что сам экспериментатор является важнейшим источником возможных изменений. В свою очередь любые возможные изменения со стороны испытуемого во многом будут определяться его отношением к экспериментатору и к самому себе. Уместно предположить, что, например, большинство проблем в обучении детей чтению связаны с отношением ребенка к обучающему его человеку и к самому себе.

Проблема формирующего эксперимента, связанная с возможным воздействием одного человека на другого, как думается, не только обостряет внимание к содержанию фактов, которыми оперирует возрастная психология, но и делает необходимым понимание контекста жизни исследователя, обращающегося к этим фактам. В этом контексте содержание его жизненной философии, его возможности воплощения собственной сущности в отношениях с другими людьми являются одной из важнейших составляющих построенной им теории, разработанной методики или просто рабочей гипотезы.

Сошлюсь еще раз на Э. Фромма: «... Мир имеет для него (человека. – Г. А.) определенный смысл, и совпадение его собственной картины мира с представлениями окружающих его людей является для него лично критерием истины, ... Собственную позицию он считает логичной»³

Сопоставление своей позиции с позицией другого человека, выделение, осознание ее содержания отличает работу ученого-исследователя в области возрастной психологии от реагирования людей разного возраста друг на друга.

Проявление содержания позиции требует средств для ее удержания. Такими средствами в научном обиходе становятся понятия.

В современной возрастной психологии появляется всё больше теоретических и исследовательских работ, где исследователь занимает феноменологическую позицию.

В русле этих работ большое внимание стало уделяться нарративному методу исследования, суть которого в том, что человек рассказывает о событиях его жизни, а исследователь фиксирует и анализирует его рассказ. Это – один из методов изучения продуктов человеческой деятельности, ставший наиболее интересным в свете меняющихся ценности в самом научном знании.

Интересно то, что в возрастной психологии наиболее отчетливо проявляется различие в позициях авторов как различие в языках описания, Так, Ж. Пиаже пользуется языком математики и биологии («группировка», «операция», «ассимиляция», «адаптация» и тому подобное)⁴, а З. Фрейд широко применяет язык медицины и философии («бессознательное», «сознание», «страдающее Я» и тому подобное)⁵.

³ Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм – М., 1994 – С. 200.

⁴ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., Просвещение. 1969. – С. 659.

⁵ Фрейд З. Я и Оно. книга 2. Тбилиси. «Мерани». 1991. – С. 425.

Примеров использования неспецифического для возрастной психологии языка других сфер научного знания для постановки и решения конкретных и общих проблем можно было приводить очень много. Так и существуют эти маркировки в разных вариантах: Ж. Пиаже – «стадии интеллекта», З. Фрейд – «Эдипов комплекс», К. Юнг – «архетипы», Э. Фромм – «бегство от свободы», Д. Штерн – «самость», В. В. Давыдов – «теоретическое мышление», Л. С. Выготский – «культурно-историческая теория» и т. д. Это большая честь для ученого и признание его места в науке, когда его позиция зафиксирована и определена. Таким образом, она может соотноситься с другими позициями в историческом времени науки.

Позиция любого человека (не только ученого) по отношению к этим фактам и закономерностям проявляется в его рассуждениях о людях вообще, о возрасте человека, о его возможностях изменения и тому подобное.

Для ученого существует проблема удержания предмета своего изучения, чтобы не впасть в «дурную» бесконечность взаимосвязи всех факторов со всеми, бесконечно осложняющей построение системы научного знания. Для людей других профессий и родов занятий использование фактов происходит на уровне реагирования через собственные изменения или изменения другого человека.

Возможность видеть эти изменения, чувствовать их является условием адекватного восприятия другого человека и себя. Ригидность, ориентация на стереотип, фантом, а не на живую реальность, разрушают взаимодействие, делают его однонаправленным воздействием, деформирующим его участников.

Интересующий нас предмет возрастной психологии может быть проявлен в позиции ученого или любого другого человека как ориентация на факты и закономерности психического развития здоровых людей.

Таким образом, в каждом из нас возрастная психология начинается там и тогда, когда мы в своей жизни (а ученый – в своей профессиональной деятельности, и это может длиться десятилетиями) погружаемся в проблемы неравенства между людьми. Неравенство это фиксируется строго и требовательно в любом языке (разговорном и научном) как возрастное отношение между людьми: старше – младше, а потом уже варианты: погодки, ровесники, люди одного поколения, люди первой половины XX в., люди прошлого, а также люди будущего.

Интересно то, что при всей однозначности этого отношения в XX и XXI вв. наблюдается удивительное явление, которого не было в прошлые века, – возраст человека не является однозначным показателем его информированности и компетентности. Эта ситуация становится еще сложнее, когда речь идет о владении конкретными навыками – общекультурными и профессиональными.

Сегодня старшинство (по возрасту) не обязательно показатель зрелости, развитости человека. Это, в частности, приводит к тому, что появляется необходимость в теории, которая бы давала основания для понимания на бытовом (а тем более на научном) уровне закономерностей и механизмов развития человека. Особенно остро этот вопрос встает в условиях безработицы при конкуренции за рабочие места. Кому можно и нужно отдавать приоритет при наличии вакансии? При всей конкретности этот вопрос далеко не риторичен и предполагает использование знаний о закономерностях становления качеств личности.

Построение такой теории может (и должно) являться задачей научной работы – специальной профессиональной деятельности, но и любой человек на своем личном опыте, на опыте своих переживаний, встреч с другими людьми, на опыте понимания самого себя строит такую теорию. Она входит в его картину мира.

Осознанной картиной мира пытается овладеть ученый, разрабатывающий такую теорию. Учитывая важность для каждого из нас особой теории – теории понимания другого человека, – остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Итак, любой человек (ученый и обыватель) строит свою картину мира, то есть пытается понять его, объяснить, систематизировать. Построенная картина мира становится, в известном смысле, искусственной, виртуальной реальностью. Вечный вопрос о том, что же есть на самом деле, вопрос о сущности другого человека (применительно к нашей теме) остается во всей его полноте. Думаю, что это прекрасно, так как вечные вопросы являются гарантом поиска истины, а значит, гарантом существования самой науки и обобщенного теоретического знания.

Существование картины мира, сам процесс ее становления показывают, что человек борется за такую позицию, которая всему сущему задала бы меру и смогла предписать норму. Эта его позиция выражается как мировоззрение, в котором представленность себя самого и других людей структурируется, организуется в содержании Я-концепции и концепции Другого Человека.

Сами по себе эти концепции, на мой взгляд, выполняют в картине мира роль подрамника, который удерживает полотно картины в относительно постоянном состоянии. Часто человек выражает обе эти концепции одним словом, которое туго натягивает или даже обрывает полотно картины мира, например, «Я – плохой человек», «Все люди – гады», или «Я – лишний человек», «Все люди мешают мне жить», или «Я – гений», «Все люди – бездарности», или... Думаю, что каждый читатель легко восстановит возможные эмоциональные состояния, которыми может быть проникнуто каждое из приведенных здесь высказываний.

Содержание этих двух концепций в картине мира позволяет выделить и зафиксировать особую реальность, составляющую, на мой взгляд, большую часть этой картины – реальность психическую (см. схему. Строение психической реальности).

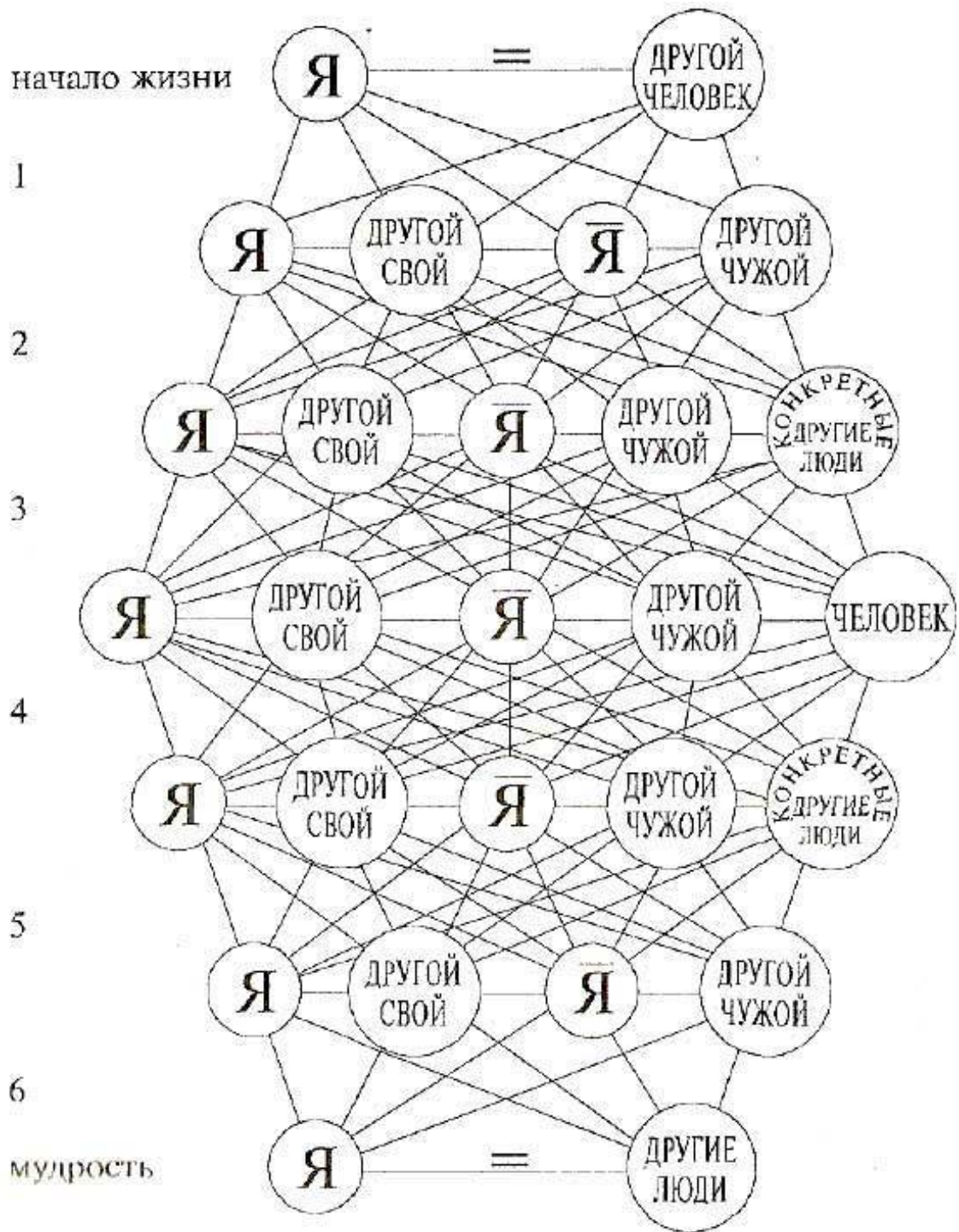

Схема. Стрoение психической реальности

Выделение именно ее позволяет говорить о сущностном в закономерностях развития. Какими же важнейшими свойствами обладает психическая реальность? Как отличить ее от других видов реальностей – физической, химической, логической и других?

Думаю, что вопрос этот не менее сложен для ответа, чем вопрос об отличии живого от неживого. Мы скорее чувствуем, ощущаем, понимаем это отличие, чем можем осознать, то есть выразить в словах. Это так же непросто, как подобрать синонимы к словам «жизнь» и «смерть».

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как Вы думаете, какое научное психологическое знание Вы уже используете в Вашей жизни?
2. Как можно выявить различие житейского и научного психологического знания?
3. Найдите любой психологический тест, который позволяет исследовать качества психической реальности. Покажите его возможности для получения научного знания.
4. Найдите научную статью по возрастной психологии. Проанализируйте её строение. Чем отличается, по Вашему мнению, научный текст от других видов текстов? Почему существует это отличие?
5. Составьте несколько схем возможного экспериментального исследования в возрастной психологии. Опишите особенности эксперимента как метода исследования.

Глава 2

Строение психической реальности

*– Не понимать друг друга страшно —
не понимать и обнимать,
и все же, как это ни странно,
но так же страшно, так же страшно
во всем друг друга понимать.*

*Тем и другим себя мы раним.
И, наделен познаьем раним,
я душу нежную твою
не оскорблю непониманьем
и пониманьем не убью.*

Е. Евтушенко. 1956 г.

*– Я люблю тебя больше жизни.
– Не говори так, жизнь – больше, чем Я.
– Моя жизнь – ты.
– Не говори так, мне становится страшно...*

(Признание в любви)

Ключевые слова: переживание, **Я, не-Я**, границы психической реальности, **Я-концепция**, **концепция Другого Человека**, структура психической реальности, психологическое пространство, психологическое время, социальное пространство, историческое время, концептуализация самости по Д. Штерну.

В результате изучения данной главы студенты должны:
знать способы организации психической реальности;

уметь фиксировать Я-концепцию, концепцию Другого Человека как факты жизни человека;

владеть представлением о границах психической реальности.

Проанализируем модель психической реальности.

Модель – это способ мышления, который позволяет систематизировать и обобщить различные факты и закономерности, известные науке, а так же опыт жизни среди современников. Модель – это одновременно и средство экстерииоризации тех умственных действий, которые привели к её построению. По-моему модель отражает динамические, меняющиеся свойства психической реальности, так как в ней представлена качественная изменчивость связи человека с другими людьми и с собой во времени жизни. В этой модели можно увидеть и постоянные свойства психической реальности – взаимодействие с **Другими Людьми** и с **не-Я**, т. е. внешний и внутренние диалоги, которые наблюдатель или исследователь может зафиксировать как тексты, отражающие реальные переживания человека. Данная модель обладает и глубиной, так как **Я** существует на разных уровнях развития, определяющих соотношение сознательного и бессознательного в активности человека. Глубина психической реальности отражается в обратимости – универсальном свойстве психического, которое в текстах с помощью знаков воплощает свойства **Я**.

Рассмотрим конкретные примеры, иллюстрирующие представленное в модели строение психической реальности.

Обратимость видна, например, в использовании прошлого опыта для организации активности в настоящем времени. Так, трёхлетний ребёнок, плачет, не узнав мать в новом платье, с новой причёской, а уже взрослый человек может упорно не замечать, что он не первый раз рассказывает одну и ту же историю в той же самой компании.

Универсальность обратимости в том, что прошлое присутствует в настоящем, но в то же время у человека есть возможность вернуться в его прошлое, изменить место прошлого в настоящем, тем самым воздействовать на будущее. В бытовом языке это зафиксировано как понятие «груза прошлого», «следов пережитого», «отпечатков переживаний», «опыта жизни» и т. п.

Для анализа проблем психического развития и строения психической реальности важно, что актуальное **Я**, существующее в настоящем времени, несёт в себе опыт жизни как обоснование своей активности во всех временах. В этом смысле **Я** существует как обоснование самого себя. На протяжении жизни появляются только новые формы – знаки – проявляющие, экстерииоризирующие это обоснование, которое, естественно, невозможно без интерииоризации, т. е. освоения знаков взаимодействия с другими людьми.

Можно сказать, что наличие обоснования **Я** своей собственной активности даёт возможность человеку на протяжении всей жизни быть относительно независимым от других людей. **Я** и есть данность активности для самого человека, которую он имеет по факту принадлежности к человеческому виду. Эта активность может быть ограничена в условиях *сенсорной депривации*, – слепоты, глухоты, немоты и т. п., она может быть ограничена в условиях *социальной депривации* как отсутствие или недостаток содержательных контактов с другими людьми, она может быть ограничена, например, экстремальными условиями *психологической депривации* как нарушение внутреннего диалога человека.

С уверенностью можно сказать, что **Я** существует до тех пор, пока человек может обосновать для самого себя свою активность, т. е. переживать наличие своей энергии, своей силы, реализующейся в активности. Иначе это можно понимать как наличие открытости к воздействиям, к изменениям, а значит, потенциально к развитию как к качественному изменению.

Современными исследователями давно доказано, что открытость – объективно фиксируемое качество, младенец теряет его буквально в считанные дни, если он попадает в условия

социальной депривации, т. е. резервы активности как обоснование **Я** самого себя находятся не только в теле младенца как природном предмете. Они существуют в том контексте отношений людей, где создаются, изменяются, преобразуются знаки для построения текста взаимодействия, где представлены позиции взаимодействующих как обосновывающих друг друга, и самообосновывающихся.

Если прямо задать вопрос о том, что развивается, т. е. качественно преобразуется в психической реальности, то можно было бы, думаю, сказать, что преобразуются средства и способы обоснования **Я** самого себя. В каких условиях и каким способом (способами) это происходит? Ответ на это вопрос возрастная психология ищет в постановке проблем закономерностей и механизмов психического развития, которые в индивидуальной жизни человека представлены как его переживания⁶.

У переживаний есть свойства, которые позволяют использовать их как единицы анализа человеческой жизни. Переживания случаются, их нельзя создать или вызвать, это значит, что они обусловлены внутренней логикой, существующей в психической реальности как предмете. Переживания не ограничены временем, они могут меняться по интенсивности, по месту в активности человека, но они не исчезают, в этом смысле можно говорить об их энергетике, об их присутствии в механизмах самообоснования **Я**.

Отличие переживаний от других видов активности человека, ставит вопрос об их специфичности как особого феномена, требующего специальных научных средств и способов фиксации, анализа и интерпретации. Недаром сегодня интерес исследователей привлекает нарративный метод, который даёт возможность восстановить, обнаружить, зафиксировать различные переживания как события индивидуальной жизни человека. В бытовом течении жизни каждый человек может наблюдать переживания у самого себя или у другого человека как ситуации качественного изменения активности. В этом смысле замерший в изумлении от встречи с цыплёнком малыш-трёхлетка и, буквально, парализованный страхом, студент перед ответственным экзаменом дают наблюдателю материал для понимания того, что происходит при переживании.

Надо сказать, что представление об отсутствии переживаний у того или иного человека тоже имеет под собой психологические основания, так как отсутствие переживаний – одно из проявлений феномена психологической смерти, когда пустота психической реальности достигает такого уровня, что у человека нет больше резервов для самообоснования **Я**. Это – путь в зависимость от других людей, путь отказа от **Я**. Причины его могут быть связаны, например, с экстремальными переживаниями, когда человек израсходовал буквально все резервы обоснования **Я** самого себя. Как ни грустно это звучит, но в таких фактах одно из доказательств того, что переживания осуществляются за счёт внутренних энергетических ресурсов **Я**, которые, например, в общей психологии описываются как мотивы и потребности человека, как его волевые качества, строение эмоций и содержание чувств.

Нельзя сказать, что современная психология имеет достаточно разработанное понятие переживания, но им, думаю, можно и нужно пользоваться для понимания строения психической реальности человека как целостного предмета, существующего в пространстве и времени индивидуальной человеческой жизни. Переживание принадлежит только одному человеку, в этом его специфичность как феномена, переживание понимается исследователем как **Другим Человеком** – в этом специфичность возможности понимания переживания как содержания психической реальности, которое может и должно стать предметом изучения в возрастной психологии.

Можно исследовать переживания общества как группы людей, как *групповой феномен*, однако возможность такого исследования всецело зависит от научной исследовательской пози-

⁶ http://homuscool.narod.ru/publ/Anan_st1.doc; <http://psylib.org.ua/books/vasif01/txt01.htm>

ции учёного, от возможностей научными методами фиксировать групповые феномены как проявление *коллективного сознательного и бессознательного*. Думаю, что мы все присутствуем при становлении понятия переживание как научного понятия, в описании строения психической реальности я пользуюсь им с надеждой на то, что предлагаемая модель пусть немного, но пополнит научные данные о процессах и закономерностях психического развития.

Переживание **Я** как обоснования активности существует у человека с момента рождения, поэтому на схеме, где обозначено начало жизни, стоит знак **Я**, которому в течение жизни (обратите внимание на всю схему в целом) предстоит дифференцироваться на **Я** и **не-Я**, эта дифференциация сохраняется практически до конца жизни. Мне не хотелось заканчивать схему словом «смерть», поэтому я написала слово «мудрость», которым хотела показать, что на жизненном пути (будет это мгновение или годы – не так важно) человек приходит к переживанию своей экзистенциальной общности с **Другими Людьми**. В этом переживании **Я** обретает всю полноту целостности, доступную человеку, он обретает согласие с бытием **Я** и бытием в **Я**, то согласие с жизнью, которое делает человека творцом самой жизни.

Вернёмся к началу жизни. **Другие Люди** (как это происходит, подробно будет изложено в последующих главах) обозначают для человека присутствие переживаний **Я** через понимание потребностей ребёнка. Это не всегда происходит в соответствующей форме, например, ребёнок – младенец беспокоится, мать думает, что он – голоден, а он отказывается от кормления. Мать не угадала, не поняла, что у него болит животик или яркий свет попадает в глаза и т. п. Своими реакциями на воздействие матери как Другого человека ребёнок обозначает и для себя и для Других, что существует **не-Я**. Для ребёнка – это и содержание его переживаний от взаимодействия с Другими людьми как переживание бытия в **Я** и переживание бытия **Я**. Для **Других Людей** – это переживания от взаимодействия с **Я** ребёнка, в котором обе стороны оказываются взаимозависимыми, поэтому все линии связей на схеме – это обратные связи.

Остановимся на графическом обозначении **Я** и **Других Людей**. Оба эти понятия написаны к замкнутому кругу, который символизирует наличие *телесных, предметных и психологических границ Я* и **Другого Человека**. Телесные – естественные границы тела человека, предметные – реальные предметы как ценности для конкретного человека, те предметы, которые в данный момент времени являются сверхзначимыми, любимыми, которые он оберегает как часть **Я**, без которых он не представляет своего существования. Психологические границы – это предел изменчивости активности **Я**, для наблюдателя они выступают как возможности человека в организации поведения (самостоятельно или с помощью **Другого Человека**). В развивающемся самонаблюдении психологические границы связаны с переживанием своих реальных и потенциальных возможностей (**Я** могу или **Я** мог бы).

В начале жизни все виды границ задаются **Другими Людьми** через взаимодействие с помощью знаков, существующих в социальной ситуации развития, т. е. с помощью слов, жестов, мимики, интонации, свойств бытовых предметов, инструкций по использованию предметов и т. п. **Другие Люди** в этом взаимодействии дифференцируются в переживаниях бытия **Я** и бытия в **Я** на **Других Своих** и **Других Чужих**. На схеме этот процесс обозначен линией 1.

Разница в переживаниях даёт основания говорить о том, что существует природный механизм не только дифференциации **Я** и **не-Я**, но и природный механизм дифференциации переживаний, вызванных присутствием **Других Людей**. Этот механизм регулирует степень близости в психологическом пространстве **Я** присутствия **Другого Человека** как возможность его воздействия, как возможность изменения под влиянием этого воздействия.

Об универсальности этого механизма и его присутствии на протяжении всей жизни **Я** говорит множество фактов. Остановлюсь на тех, которые связаны с появлением в психологическом и социальном пространстве **Я** нового человека. Обычно через несколько секунд восприятия (в психологии существует проблема восприятия человека человеком) уже присутствует переживание, которое можно выразить словами «мой человек» или «не-мой человек». Дума-

ется, что чувствительность к содержанию собственных переживаний от восприятия **Другого Человека** у людей варьирует так же как и все виды чувствительности и сенсорного восприятия.

Однако, очевидна закономерность, что те люди, которые переживаются как **Свои** находятся в психологическом пространстве ближе к **Я**, чем те, кто переживается как **Чужие**. **Чужие** расположены в этом пространстве в непосредственной близости от **не-Я** и переживание чуждости наполняется конкретным содержанием от встреч с разными людьми. На схеме это обозначено линией 2.

Я изобразила эту линию симметричной, так как графически сложно показать динамику нарушения и появления равновесия в строении психической реальности. Соотношение между переживаниями **Я** и **не-Я**, переживаниями **Других Своих** и **Других Чужих** динамично и сила каждого из переживаний различна. Доказательства этого можно найти как в бытовых фактах, например, непослушания, ссор, обид, слепого подчинения, стремления к власти, стремления к одиночеству, радости и восторга от встречи с человеком, так и в научных фактах исследования **Я-концепции** человека⁷.

Переживание **Я** как самообоснования активности по мере освоения человеком знаков приобретает форму предпонятия, а потом и понятия. Этот процесс и отражается в появлении **Я-концепции**, которую растущий ребёнок проявляет как *самосознание*. Иначе говоря, как проявление в словесном тексте свойств **Я**, как возможность рассказа о себе. Думаю, что есть смысл говорить о переживании самосознания, так как оно сопровождается усилием по выбору и использованию знаковых средств и способов. Поиск тех средств и способов, которые соответствуют переживанию **Я** как самообоснованию активности, можно, например, видеть в спонтанных поисках детьми метафор, соответствующих их переживанию **Я**, когда дети, буквально, ищут подобное себе.

Так, рассматривая иллюстрации в книгах, они могут отождествить себя с каким-то изображением. Это не обязательно изображение человека, это может быть предмет или животное, или растение. При этом у детей не возникает трудностей в построении метафорического соответствия. Надо, однако, заметить, что оно имеет достаточно чёткие границы. В этот момент жизненного пути ребёнок уже отходит от *эгоцентрической позиции* и не отождествляет весь мир с собой, а себя со всем миром. У него уже есть то, что можно с полным правом назвать его миром, т. е. переживание присутствия **Я** и **не-Я** как самообоснования активности. Эти переживания опредмечиваются в знаках. Словесные знаки – один из наиболее распространённых видов, но есть и другие – предметы обихода, игрушки, природные предметы, домашние животные и т. п. То, что одним словом можно назвать как «любимое» или значимое, экстерриоризирующее переживание присутствия **Я** для самого человека, воплощающие таким образом и границы психической реальности.

В психологии большое внимание уделяется изучению *структуры самосознания*.

Естественно, что приоритеты исследователей определяются контекстом их научной теории. Для моего изложения важным является тот факт (он зафиксирован на линии 3 в схеме «Строение психической реальности»), что растущий ребёнок может выразить в слове, а значит, обобщить, переживания от взаимодействия с **Другими людьми**. Он уже может для себя обосновать в этом обобщении степень реальной, желаемой и возможной близости с **Другими** как **Своими** и **Чужими**, с самим собой как **не-Я**. Обобщение вводит в психическую реальность не только настоящее, прошлое, реальное будущее время, но и потенциально возможное (или невозможное) будущее время взаимодействия с **Другими людьми**. На этом отрезке жизненного пути растущий человек начинает говорить о себе «**Я**» во всех временах: настоящем, прошедшем, будущем, условно будущем, условно прошедшем.

⁷ <http://newasp.omskreg.ru/intellect/f56.htm>

Опыт переживаний **Я** как самообоснования активности приобретает в понятии новую форму, но существовавшие формы переживаний не исчезают бесследно, они выстраиваются на оси жизни как чувственные маркёры психологического времени событий, качественно изменивших динамические свойства психической реальности. Они и создают возможность обратимости, так как обладают достаточным энергетическим потенциалом, чтобы сохраняться на протяжении всей жизни человека. Для наблюдателя они могут выступать как особенности пластики человека, позы человека во взаимодействии с **Другими Людьми**, как особенности его словаря, как содержание продуктов творчества, как содержание сновидений. Для самого человека они составляют фонд воспоминаний, которые оцениваются как важные события, как ситуации, в которых «что-то со мной произошло». Можно сказать, что это – ситуации пережитого *инсайта*, когда энергетическая составляющая перестраивающейся психической реальности становится доступна сознанию.

На линии 4 в описываемой схеме хотелось показать, что взаимодействие с **Другими Людьми**, которое в разных формах, с необходимостью продолжается всю жизнь, приводит к появлению осознанной **Я-концепций**, концепций **Других Людей** как **Своих** и **Чужих**. Развитие будет воплощаться в качественном преобразование переживаний обоснований своей активности, общее описание которых сводится к тому, что человек начинает рационализировать степень своего воздействия на самого себя и **Других Людей**, т. е. появляется моральное обоснование активности. Начало ему положено в переживаниях близости с разными людьми, которое воплотится для ребёнка в словесных оценках «хороший» или «плохой». Когда ребёнок говорит, например, что он не хочет играть с кем-то, потому что этот кто-то плохой, он уже обосновывает свою активность доступными ему моральными обобщениями. Он переживает не только равенство с **Другими Людьми**, но и неравенство, то неравенство, которое необходимо для сохранения границ его психической реальности, которые должны проявиться и укрепиться на следующем этапе жизни, обозначенном на линии 5 как процесс идентификации **Я** с **Другими Своими**, как появление обоснования активности **Я** содержанием этого процесса. Одновременно происходит отчуждение от содержания переживаний **не-Я**, от **Других Чужих**, а в структуре психической реальности переживания, связанные с ними, становятся более или менее устойчивыми. Именно это свойство в большинстве психологических теорий личности характеризует развитую личность как социокультурный феномен.

Устойчивость, основанная на **Я-концепции** и концепции **Другого Человека**, позволяет человеку строить рациональное поведение, предвидеть своё поведение и поведение **Других Людей**, она обобщает индивидуальный опыт переживания человеком обоснований активности во взаимодействии с **Другими Людьми**. Устойчивость ориентирована на групповую мораль, что позволяет человеку адаптироваться в социальном пространстве, но ею, думаю, не исчерпываются потенциалы развития переживаний.

У каждого из нас есть возможность осуществления трансцендентальной позиции, которая на схеме представлена линией 6. Её содержание можно назвать, как было сделано выше, достижением мудрости, той мудрости, когда человеку доступно переживание его уникальности как человека. Это то переживание, которое делает ощутимыми и одновременно открытыми границы психической реальности, это та тождественность со своим **Я** как природным даром, которая даёт человеку мужество быть самим собой, оставаясь человеком, равным, но не подобным **Другим Людям**, быть вместе, не растворяясь в **Другом**, оказывать воздействие, не разрушая себя и **Другого**, взаимодействовать со степенью свободы, достаточной для проявления позиций участников диалогического или полифонического взаимодействия. В вашем умении слушать и слышать **Другого Человека** каждый из вас, читатели, может обнаружить в себе наличие этого переживания.

Психологическая реальность, строение которой я пыталась описать хотя бы в общих чертах, существует в психологическом пространстве и психологическом времени, поэтому

довольно сложно отнести то или иное переживание к биологическому времени жизненного пути человека, к конкретному пространству его действия. Отчасти поэтому я не приводила в схеме возрастных границ, а попыталась описать её как модель, как способ мышления об обосновании человеком его активности во взаимодействии с **Другими людьми**.

Читатель без труда найдёт свойства психологического пространства и психологического времени в своей психической реальности, а в наблюдении обнаружит их и у **Других людей**. Когда мы говорим о человеке или событии, что это «близко мне» или, наоборот, «далеко» и «чуждо», то таким образом в слове обозначаем место предмета разговора в психологическом пространстве, где есть центр, периферия, граница, есть и дистанция между разными предметами в этом пространстве и их расстояние – дистанция – по отношению к центру.

Психологическую дистанцию можно измерить, если материализовать психологическое пространство, например, в графическом виде (см. подробнее задания по возрастной психологии в этой книге). Центром психологического пространства – постоянным центром – является переживание **Я**, которое человек может выразить словами как «Я есть», «Я тут», «Я здесь и теперь» или в других временных характеристиках как «Я был», «Я буду», «Я был бы» и т. п. Это переживание тоже обладает относительным постоянством. Об этом свидетельствуют факты, зафиксированные в бытовом языке, например, так «Потерял себя», «Забыл о себе», «Растворился в друге» и т. п.

К числу относительно постоянных центров психологического пространства нужно отнести и предметы, обладающие символическими функциями, т. е. фиксирующими переживания. К числу их относятся, например, амулеты, подарки, произведения искусства и т. п. Особенность этих предметов в том, что через переживание они как бы фиксируются в психологическом пространстве, наличие этой фиксации можно обнаружить и в физическом теле человека, например, при потере значимого предмета, не только ребёнок, но и взрослый человек может заплакать, даже заболеть от горя. Наоборот, в присутствии значимого предмета, человек преобразуется физически, меняется тонус мышц, изменяется ритм дыхания, цвет кожи и т. п.

В психологическом пространстве существуют и изменчивые центры, которые выстраиваются в иерархическую зависимость по отношению к **Я**, они обнаруживают себя в направленности внимания и могут быть описаны через свойства предмета, привлекавшего или привлечавшего внимание человека. Хотелось бы, чтобы сейчас центром вашего психологического пространства было содержание этого текста, а не мысли о предстоящем экзамене по возрастной психологии.

Я уже пыталась сказать, что психическая реальность не находится в состоянии равновесия, хотя постоянно к нему стремится. Это утверждение основывается на том, что в психологическом пространстве человека существует асимметрия, наличие которой можно обнаружить в языковых маркерах. Например, «высокая цель», «высокий дух», а так же «низкая цель», «низкий духом», т. е. подразумевается нетождественность переживаний, расположенных на разных уровнях психологического пространства.

Кроме параметров «дальше – ближе», «выше – ниже» в психологическом пространстве используются параметры «правое – левое» как показатель отнесённости переживания к топологическим, т. е. непрерывным, постоянным параметрам тела человека, например, «положа руку на сердце», «правая рука». Кроме того, психологическое пространство представлено и в параметрах величины, о чём в бытовом языке можно услышать так: «большое дело», «гигантские усилия», «непомерные тяготы», «микроскопические влияния» и т. п. Это – метафоры физических величин, которые описывают содержание переживаний, воплощённых в том или ином предмете, тем самым открывают наблюдателю средства и способы, какими ранжируются предметы в психологическом пространстве.

Надо отметить, что в силу метафоричности язык не отражает буквально место предмета в психологическом пространстве. Например, предложения: «Это событие имеет для меня боль-

шое значение» и «Это событие имело для меня больше значение» окажутся без смысла, если мы не знаем, по отношению к чему оценивается значение. Так в психологическом пространстве вопрос о месте того или иного предмета переживаний становится решением задачи на относительность, на поиск меры значимости. Думаю, что одной из существенных мерой значимости переживания, а значит, и предмета, воплотившего это переживание, может стать его близость к относительно постоянному центру психологического пространства – к **Я**. В языке это звучит, думаю, так: «Без этого и Я не Я».

В разных отраслях психологии для описания дистанции в психологическом пространства используют ещё несколько понятий – интимная (относится к воздействию на тело), персональная (воздействие на **Я**), социальная (виды связей в группах) и общественная (связи с обществом как целостностью) дистанции.

Возможность выделения этих параметров в психологическом пространстве ещё раз доказывает его неоднородность и уровневую организацию, что даёт основания говорить о представленности структуры психической реальности в других видах реальности и наоборот – других видов реальности в психической. Например, такие социокультурные, иногда предельно географически определённые, реальности как «Дом», «Родина», «Малая родина», «Отечество», «Человечество» существуют в психологическом пространстве человека как фиксированные переживания, имеющее определённое место по отношению к **Я**. Всем известны явления землячества, знакомо переживание чувства дома, национальной гордости, стыда и боли за отечество, переживание чувства национальной и групповой принадлежности, переживание чувства принадлежности к человечеству. Они показывают, что в психологическом пространстве человека представлены другие пространства, степень близости их к **Я** как центру, позволяет анализировать их значимость в разных временах жизни человека.

Все эти пространственные проявления опосредуются, определяются и в свою очередь сами определяют содержание концепции **Другого Человека**, **Другого Своего** и **Другого Чужого**, концепции **Я** и **не-Я**. Они организуют картину мира человека и психическую реальность в мире. Их динамика воспринимается человеком как наличие внутренней напряженности или расслабленности во внутреннем мире, как моменты спокойствия и того, что называют душевной бурей, смятением чувств и мыслей. Они могут быть с очевидностью доступны наблюдателю или скрыты от него в формах знаков, окутаны метафорами текстов и погружены в глубины подтекстов.

Динамику в структуре психической реальности невозможно анализировать без применения понятия о *времени*.

Структура психической реальности разворачивается в нескольких временах: физическом, астрономическом, биологическом, историческом, психологическом. Связь всех времён осуществляется в переживании событий, которые как особая форма активности человека делают содержанием сознания время его жизни, в котором в разной форме представлены все другие виды времени. Событие – изменение в структуре психической реальности, которое сопровождается глубокими переживаниями процесса обоснования активности качествами **Я**.

Глубина переживаний не обязательно проявляется в бурной внешней активности, так как это – внутренняя работа, – то, что называют «трудом души» по созданию качественно новых элементов в структуре реальности. В этом отношении, думаю, природный темп активности, который обусловлен темпераментом, относительно независим от темпа преобразований, осуществляющихся в психологическом пространстве и времени.

Сегодня с уверенностью можно говорить о том, что качественные преобразования в психической реальности происходят под влиянием изменений в разных временах, которые относительно независимы друг от друга, но имеют потенциальную возможность объединиться в *экзистенциальных переживаниях*. Так, например, потеря близкого любимого человека в корот-

кое мгновение может превратить молодую женщину в старуху, а найденная любовь преобразит не только психический, но и физический образ угасавшего человека.

Психологическое время, как я уже отмечала выше структурирует жизненный путь человека, обеспечивая психической реальности обратимость, которая в настоящем – здесь и теперь времени – выступает как **Я**, способное к самообоснованию, т. е. к разным видам планирования и использованию своего опыта переживаний, которые в живой психической реальности обеспечивают её непрерывное существование в разных временах.

Как я уже отмечала, **Я** в самообосновании активности, в бытии в **Я**, предстаёт для себя в форме самосознания, таким образом фиксируется центр психологического пространства, которое активно и должно быть организовано по отношению к этому центру. Можно сказать, что самосознание – это рассказ **Я** самому себе о самом себе. Именно рассказ, как история, протяжённая в каком-то из времён или в нескольких из них, или во всех сразу, как целостный предмет, представленный параметрами психологического пространства или в сочетании со свойствами других пространств, как знаковая система, выполняющая символическую функцию воплощения переживаний в форме знаков.

Сейчас я показываюсь в сложной для меня ситуации. Я должна описать структуру самосознания, т. е. те устойчивые свойства **Я**, в которых оно проявляется для самого себя. Сложность ситуации в том, что мне нужно выбрать из множества научных подходов тот, который соответствует моему представлению о явлении самосознания. Воспользуюсь для этого *феноменологическим методом*, т. е. буду опираться на содержание моего научного и жизненного опыта, который можно обобщить в строении научных понятий, описывающих и анализирующих самосознание.

Итак, что, несомненно, есть в самосознании?

Есть переживание наличия **Я** как особого качества, принадлежащего только **Я**, т. е. бытие в **Я**, поэтому на схеме «Строение психической реальности» **Я** как и **не-Я** изображено в замкнутом круге. Этот круг и показывает, что есть в психической реальности устойчивое образование, которое доступно для внешнего наблюдателя как сохранность свойств человеческой активности во времени. Вспомните, мнения о человеке: «Он такой с детства», «Он вообще не меняется», «Ты всё такой же романтик» и т. п. – за ними очевидные факты наличия устойчивых свойств активности. Сам человек может сказать о себе: «Я всегда...», «Я никогда», «Мне не свойственно» или «Мне свойственно», «Я себе этого никогда не позволю...» или «Для меня это возможно» и т. п. Можно сказать, что самосознание открывается человеку как его возможность самообоснования своих же устойчивых качеств.

Устойчивость самообоснования существует не только в психологическом времени, но и в реальном времени жизни – она, думаю, основана на нравственных переживаниях, которые обладают очень сильным энергетическим потенциалом. В нравственных переживаниях человеку открывается одновременно его уникальность как человека и связь с **Другими Людьми**. Конкретный материал, который изложен в последующих главах позволяет чётко зафиксировать наличие таких переживаний у 6–8 месячных детей, а реакцию на **Другого Человека** в 1,5–2 месяца.

Присутствие в самосознании концепции **Другого Человека** в психологии очень часто описывают как индивидуальное бытие общественных отношений.

Здесь для меня тупик в рассуждении, я не могу провести чёткое разграничение между общественными отношениями и какими-то другими, например, отношениями природными, самоотношением и т. п. Общество, думаю, слишком неопределённый предмет, чтобы его наличие определяло строение самосознания. Встречается и уточнение этого представления – системой, порождающей самосознание человека является человеческая общность, к которой принадлежит конкретный человек. Здесь опять, по – моему, требуется множество уточнений, так

как человек может и живёт в нескольких пространствах и временах, какое из них (или всё?) оказывают существенное влияние на появление устойчивых свойств самосознания?

Думаю, что до ответа на этот вопрос современной психологии ещё очень далеко. Возможно, поэтому психологам приходится пользоваться понятием личность для обозначения уникальности человеческого самосознания, относя появление и проявление личности к определённому периоду (периодам) в жизни человека. Для меня важно зафиксировать тот момент, что современная психология в научном мышлении о развитии самосознания человека обозначает уникальность самосознания как качества психической реальности.

Несомненно, что обретение самосознания – это процесс, в котором можно выделить основные структурные элементы. Один из них уже обозначен – наличие *самообоснования Я*, которое наблюдатель видит уже в *избирательности активности* младенца, о которой взрослый с полным правом говорит словами: «Ребёнок хочет или не хочет», «Ребёнок может или не может» и т. п. Практически с момента рождения ребёнок начинает жить в мире нескольких логик – логика самообоснования активности, логика взрослых по отношению к нему, логика предметов. Все эти логики как воздействие с обратной связью входят в переживание, структурирующее самосознание через инсайты – моменты качественного преобразования самообоснования, которые в психологии развития описывает как качественные скачки, очевидные для наблюдателя.

Можно воспользоваться следующими примерами для иллюстрации логик – логика самообоснования активности (в возрасте чуть больше года ребёнок может плакать специально, при этом исследователь может видеть, что он наблюдает за реакцией взрослых). При всей простоте примера за ним стоит неформальная логика, основанная на зачатках рефлексии, прогноза и планирования, целеполагания и т. п. элементов, характерных для неформальной логики.

Логика взрослых легко обнаруживает себя, например, в использовании ценностных обоснований взаимодействия с ребёнком: «Не бери на руки, избалуешь», «Не подходи, пусть заплачется вволю», «Надо учить плавать раньше, чем ходить» и т. п. В этих обоснованиях и открывается та культурно-социальная обусловленность отношений, где взрослые реализуют свою концепцию **Другого Человека** применительно к ребёнку. Каждый взрослый оказывается в ситуации, когда он должен выбрать позицию по отношению к ребёнку – позицию, основанную на **Я-концепции** взрослого, или на концепции **Другого Человека**.

Думаю, что выбор реализуется через переживание собственности, которое в рефлексивной формулировке может быть выражено так: «Это – мой ребёнок». Именно это переживание – инсайт, который оно содержит, – обосновывает выбор позиции взрослого человека. Думаю, что через эту позицию передаётся и то культурное содержание, которое обычно называют любовью к человеку.

Потенциально человек обладает возможностью смены этой позиции, которое связано с трансцендентальными переживаниями. Мне думается, что осязаемые различия в возможности любви к человеку, наблюдаемые повсеместно, обусловлены природными свойствами активности **Я**, которые можно было бы обозначить физическим термином силы **Я**, обеспечивающем возможности сохранения границ **Я**, дифференциации **Я** и **не-Я**, удержание психологической дистанции с другими людьми, иными словами, возможности ответственности, принятия решений, относительной независимости от силы воздействующих раздражителей. Думаю, что эти свойства задают и возможности осуществления трансцендентальной позиции в логике осуществления активности.

Предметная логика – действие с предметами, основанное на использовании свойств предметов.

Её отличие от других логик в том, что активность ограничивается во времени доступными свойствами предметов, одновременно открывая относительность этого ограничения во времени и пространстве как возможность существования новых свойств предметов. В психо-

логии, благодаря работам Ж. Пиаже, подробно описаны закономерности становления предметной логики как развитие познавательной активности.

Для моего рассуждения важно, что этот вид активности выделяется как специальный объект научного исследования.

Итак, можно сказать, что структура самосознания возникает благодаря переживаниям инсайта, в которых фиксируются встречи **Я** с различными логиками в конкретной социальной ситуации развития. Это способствует дифференциации **Я** и **Другого Человека**, **Я** и **не-Я** в пространствах и временах жизни человека.

Можно, думаю, сказать, что свойства **Я** предстают в самосознании через переживание человеком своей природной активности как данности, как *самоощущения*, которое дополняется *самочувствием* как наличием различных (телесных, пространственных и т. п.) границ и оформляется в *знаках внешнего и внутреннего диалогов* как экстериоризация – интериоризация событий индивидуального жизненного пути человека.

Мне бы хотелось отметить, что в самосознании человек с необходимостью встречается с *любовью к самому себе*, говоря бытовым языком приватизирует самого себя. Обратная сторона этого явления – *притязание* каждого человека на *признание* (на любовь) со стороны других людей. Наличие любви ребёнка к самому себе – приватизации – взрослые могут отмечать уже у очень маленьких детей как их настойчивость, переходящую в неуправляемое упрямство, как способность к длительной концентрации внимания, как стремление следовать своим желаниям и т. п.

Нет смысла прибегать к моральным оценкам этих явлений – они существуют как данность человеческой индивидуальной жизни, которая разворачивается среди других людей, обладающих такими же свойствами. Так возникают и существуют предпосылки для неравенства векторов активности, когда ситуация потенциального взаимодействия может обостряться до степени хаоса, выраженном в пословице: «Кто в лес, кто по дрова». Однако в этом изначальном неравенстве сил **Я** разных людей заложен и потенциал взаимного развития, который, думаю, необходим каждому человеку на протяжении всей жизни. Я уже говорила о законе обратной связи, который в традициях христианской веры безусловно выражен в формуле: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Притязание на признание со стороны других людей или в рефлексивной формулировке: «Моё **Я** значимо для **Других Людей**» современная психология описывает как ситуации взаимодействия, где человек переживает несоответствие его **Я-концепции** и концепции **Другого Человека**, использованной в о взаимодействии с ним. Это – ситуации, где в переживания целостности **Я** включается содержание меры целостности **Я**, которое входит в концепцию **Другого Человека**.

Думаю, что каждый человек сам для себя является мерой целостности мира, поэтому у каждого здорового человека есть целостная картина мира, предполагающая его здоровый эгоизм: «Мой мир для меня, **Я** для моего мира». В то же время во взаимодействии с **Другим Человеком** может использоваться и почти всегда используется другая мера. Вот конкретные примеры: «Он ещё мал, не понимает», «Что с неё взять, она – женщина», «Они все – недалёкого ума люди», «Ты же рассуждаешь, как деспот» и т. п. Несоответствие содержания мер целостности в **Я-концепции** и концепции **Другого Человека** воспринимается человеком и как относительно временное или относительно же постоянное несоответствие содержания переживаний по отношению к себе и к **Другим Людям**.

Человек потенциально попадает в ситуацию экзистенциальной пустоты, если он постоянно живёт в этом несоответствии. Моменты соответствия переживаются как чувство единства с **Другими Людями**. Значимость этого чувства не менее велика, чем переживание силы от целостности **Я**, так как в эти моменты происходит качественное преобразование в структуре психической реальности, которые фиксируются как бытие **Я** для самого себя, т. е. совпадают

в инсайте переживание бытия **Я** и бытия в **Я**. Это – моменты гармонии бытия, согласия с ним, моменты полноты переживания жизни как явления.

Бытие **Я** для наблюдателя со всей остротой значимости для наблюдаемого проявляется в важнейшей составляющей самосознания – в отношении человека к собственному имени.

Собственное имя – один из важнейших знаков, структурирующих самосознание человека. Нет необходимости доказывать, какие переживания вызывают у человека варианты изменения его имени или отказ ему в имени собственном. Надо сказать, что в разных языках варьированность имени человека весьма различна, хотя отрицать факт её присутствия не имеет значения.

Собственное имя – знаковый маркер существования **Я** для самого себя и для **Других Людей**, он даёт основания для обозначения позиции во взаимодействии, обозначает границы возможного воздействия, интенсивность обратной связи. Можно сказать, что использование во взаимодействии формы имени переживается как одновременная кристаллизация отношения **Другого Человека** и актуализация переживание **Я** как целостности. Интенсивность этот переживания очень велика, так как она включает практически все параметры идентификации человека со свойствами его психической реальности.

К числу таких свойств, входящих в структуру самосознания, т. е. самообоснования **Я** активности в современной психологии относят и *половую идентификацию*. Именно в процессе половой идентификации, т. е. в переживании своей принадлежности к тому или иному полу человек осознаёт свою целостность как единство телесной и психологической реальностей.

Нет необходимости отрицать сложность и глубину этих переживаний и необходимость воплощения их в организованное поведение. В современном обществе существует возможность подмены значимости этих переживаний для становления самосознания человека интенсивностью сексуального поведения.

Отношение к телу как собственности связано со многими интимными переживаниями, которые сказываются на строении самосознания, на переживании целостности тела и его границ. Недаром многие прогнозы будущего человечества описывают механический секс как форму ухода рационального человека от необходимости переживаний, связанных с половой идентификацией. В связи с этим, думаю, есть смысл обсуждать психологические последствия изменений в сексуальном поведении людей, которые можно наблюдать во многих современных обществах, и их влияние на самосознание как разных групп людей так и отдельного человека.

Самосознание как обоснования **Я** собственной активности невозможно осуществлять вне *психологического времени и социального пространства*. Именно их и относят к числу структурных составляющих самосознания человека.

Как уже отмечалось, психологическое время человека структурируется в его психической реальности за счёт переживаний, позволяющих осуществлять обратимость и предвидение. Таким образом все возможные времена активности человека концентрируются в переживании как целостном образовании, обладающем знаковой фиксацией в психологическом времени. Примеры этого можно, думаю, найти в пословице: «Обожжешься на молоке, будешь дуть и на воду». Мне кажется, что пример этот интересен и тем, что в нём есть относительная независимость содержания психологического времени (и психологического пространства) от физического времени и физического пространства.

Социальное пространство как элемент самосознания человека позволяет описывать варианты присутствия **Других Людей** и содержание их взаимодействия как целостный, организованный с помощью знаков предмет культуры, представленный в настоящем и историческом времени. Иначе социальное пространство называют *контекстом развития человека*, социальной ситуацией развития и т. п. Главное её свойство в том, что она содержит как материальные, так и идеальные предметы, которые организуют активность **Я**, оставляя возможности для обратной связи, т. е. *позиции Я* по отношению к ним. Так человек может и должен

следовать социальным нормам, правилам, традициям, обычаям, но у него есть возможность и отнестись к ним как к целостному предмету, т. е. занять рефлексивную или трансцендентальную позицию.

В этом феномен социального пространства – оно закрыто для внешнего воздействия границами языка, но оно открыто для внутреннего изменения и воздействия за счёт возможности выхода за пределы этого пространства.

Как и почему человек начинает изменять социальное пространство? Это вопрос о лидерстве, вопрос о харизматических свойствах человека, способного к выходу за ограниченные пределы социального пространства. В современных экономических условиях развития мирового сообщества, которые называются глобализацией, социальное пространство одного человека может быть равно планетарному.

Как этот человек воспользуется своими трансцендентальными возможностями, какой это будет человек? Это – вопросы к будущему.

При всей многозначности понимания структуры самосознания в современной психологии нельзя не обратить внимание на то, что в ней выделяются относительно независимые элементы, которые в истории психологии связаны с понятием *психических функций*. Учитывая стремление современной психологии преодолеть малопродуктивный функциональный подход, воспользуюсь понятием модальностей для описания ещё одной группы относительно устойчивых структурных свойств самосознания. Понятие модальностей привлекает тем, что оно позволяет обобщить группу свойств практически по произвольному признаку, так как потенциально опирается на понятие «мочь», т. е. «могу»⁸.

Мне представляется исключительно важным для понимания строения психической реальности исследование не только бытия **Я** как взаимодействия человека с **Другими людьми**, но и бытия в **Я** как содержания внутренней активности **Я** для него самого.

Бытие в **Я** существует до представленности его в самосознании как организованная на разных уровнях сложности активность, в которой бытия в **Я** в разные моменты жизни человека присутствует как *самоощущение*, как *самочувствие*, как *переживание*, как *представление*, как *образ*, как самосознание, т. е. как тот чувственный опыт, который человек через концепцию **Я** проявляет для себя и других людей в форме слова как предпонятия, понятия, псевдопонятия. Бытие в **Я** как бытие «могу» для самого себя может быть представлено в концепции **Я** через следующие группы относительно независимых модельностей:

Таблица 1
Модальности бытия в Я и не-Я

хочу	не хочу
могу	не могу
думаю	не думаю
чувствую	не чувствую

Особенность этих модальностей в том, что они как свойства психической реальности, как бытие в **Я** и бытие в **не-Я** существуют на разных уровнях организации активности человека⁹.

Итак, в строении психической реальности можно описать бытие **Я** через содержание взаимодействия человека с **Другими людьми**, которое способствует развитию самосознания, известного на сегодняшний день как высшего уровня самообоснования **Я** его активности. Другими словами в самосознании через содержание **Я-концепции** и **не-Я** человек фиксирует

⁸ http://natapa.msk.ru/biblio/sborniki/andreevskie_chteniya/egorova.htm

⁹ Н. А. Бернштейн <http://flogiston.ru/library/bernstein>

свою относительную автономность от других людей, путь к которой он прошёл через построение психологической дистанции с **Другими Людьми**, через создание концепции **Другого Человека** как обобщённого на разных уровнях (ощущение, представление, образ, предпонятие, понятие, псевдопонятие) личного опыта взаимодействия с людьми в разных временах и пространствах.

Построение концепции **Другого Человека** основывается не только на бытии **Я** среди людей, но и бытии в **Я** – природной активности **Я**, существующей как уникальное качество живого, избирательно, с обратной связью реагирующего на любые воздействия, способного к самоорганизации и саморегуляции. Эта возможность «мочь», быть в бытии, состояться в бытии как **Я** может быть описана в понятиях модальностей. Они будут содержательно отражать разные уровни организации активности человека как изменение в пространстве и времени его жизни **Я-концепции**, концепции **Другого Человека**, картины мира в целом.

В этой главе мне осталось описать содержание концепции **Другого Человека**, структуру этого образования в строении психической реальности.

Мне думается, что в современной психологии необходимость изучения этого содержания долгое время недооценивалась, тогда как в философии – в большей степени в экзистенциальной – существует понятие **Другого**. Достаточно назвать имена Э. Гуссерля, Ж.-П. Сартра, Э. Левинаса, М. Бубера, Г. Марселя и других. В мою задачу не входит философский анализ понятия **Другого**, меня интересует то содержание психической реальности, которое можно и, думаю, нужно анализировать как концепцию **Другого Человека**.

Известно, например, что младенец реагирует на человека иначе, чем на неодушевлённые предметы. Это, я думаю, фундаментальный факт, позволяющий в свете его анализировать все модальности проявления свойств **Я** ребёнка, связанные с присутствием в его бытии **Другого Человека**.

Можно, думаю, сказать, что как у младенца, так и у взрослого человека с момента первой встречи друг с другом во все взаимоотношения вплетаются свойства бытия в **Я**. Соответствие этих свойств создаёт понимание, несоответствие – конфликты. В любом случае происходит взаимодействие через воздействие и взаимное изменение по принципу обратной связи.

В этом взаимодействии на основе обратной связи открывается существование бытия в **Я** для самого **Я**. Этот поразительный по силе инсайт происходит через встречу с бытием в **Я** **Другого Человека**. Её можно описать как отсутствие соответствия содержания модальностей, например: «**Я** хочу, а **Другой Человек** – он, она, они – не хочет» или «**Я** хочу это и **Другие Люди** или **Другой Человек** хочет тоже самое». Подобное несоответствие можно обнаружить в других модельностях или в их сочетании.

Какое значение оно имеет для формирования концепции **Другого Человека**?

Думаю, что фундаментальное, так как одновременно происходят следующие события – встреча с бытием **Я** и не-**Я** и встреча с бытием в **Я**. В активности происходят качественные инсайтные переживания, способствующие появлению структуры **Я** как относительно ограниченного в пространствах и временах предмета. Так и хочется проявить сочувствие к **Я**, которое потенциально обладает бесконечностью форм бытия в себе. А тут – необходимость ограничения, обратной связи, качественного преобразования активности, возвращение её из бытия **Я** в бытие в **Я**. Такая работа требует времени, поэтому часто она сопровождается паузой в активности. Аналогичное изменение в активности можно наблюдать в знаменитой реакции «Что такое?», которая возникает у людей непроизвольно при внезапном появлении незнакомого предмета. Замечу здесь, что невозможность реагирования в подобной ситуации порождает и страх, и ужас.

Другими словами, для реорганизации активности бытия в **Я** и бытия **Я**, человеку нужно некоторое время и пространство, достаточное для ориентации в **Другом** как целостном предмете, или группе взаимосвязанных свойств. Нужно выстроить логику активности **Я**, логику

бытия в **Я** в пространстве и времени присутствия **Другого**. Здесь различия между людьми обусловлены уровнями самоорганизации активности как уровнями самообоснования бытия в **Я**. Качественные особенности актуального уровня активности и будут обеспечивать результаты реорганизации бытия **Я** и бытия в **Я** при встрече с **Другим Человеком**.

Мне бы хотелось вернуть читателя к мысли о том, что во взаимоотношениях людей действуют не только законы формальной логики, но законы неформальных логик.

Читателю и судить о том, что происходит с переживанием присутствия бытия **Другого Человека** в бытии **Я**, если, например, взрослый говорит о восьмимесячном ребёнке: «Он меня не слушается, он нарочно делает мне назло» или трёхлетний старается во всём подражать старшему брату, или пожилой человек сокрушается, что его все забыли.

Думаю, что есть смысл вернуться к понятию силы активности **Я**, как степени выраженности самообоснования активности и ввести понятие меры самообоснования бытия **Я**, содержание переживания «моё». Её наличие легко обнаружить в различии явлений упорства и упрямства. Упорство – это самообоснование бытия **Я**, а упрямство – самообоснование бытия в **Я**. Наличие **Другого Человека** в бытии **Я** определяется психологической дистанцией с ним, чем короче дистанция, тем больше представлено бытие **Другого** в бытии **Я**. Если дистанция становится минимальной, то возможны различные формы взаимозависимости бытия **Я** и бытия **Другого Человека** как полное или частичное отождествление **Я-концепции**, бытия в **Я**. Вспомните, «Я хочу как ты», «Мне такое же», «Делай как Я», «Приказываю», «Говорю последний раз» и т. п.

Содержание переживания **Другого Человека** как **Своего** возможно, если бытие **Я** существует как проявление его природной силы, т. е. в формах, соответствующих бытию в **Я**. Говоря иначе, человек, который живёт свою жизнь, чувствует себя при встрече с другим человеком спокойно и уверенно, так как полон достоинства, как силы, сохраняющего его **Я-концепцию**, его бытие в **Я**, он может построить психологическую дистанцию с **Другим Человеком** через создание концепции **Другого Человека**. Мера самообоснования бытия **Я** в этом случае предполагает бесконечность форм воплощения бытия в **Я**. Значит – другое не пугает, а создаёт предпосылки для взаимного развития через переживание инсайтов.

То, что я описала сейчас – идеальная ситуация, позволяющая мне использовать её как *идеальную модель* для описания концепции **Другого Человека**.

В последующих главах об этом будет подробно и на конкретном материале, сейчас я попробую описать ещё раз взаимозависимость бытия **Я** и бытия в **Я**, существующие как разные уровни концепции **Я** и содержание концепции **Другого Человека**. Воспользуюсь для этого ещё одной таблицей.

Таблица 2

Свойства *Я-концепции* и концепции *Другого Человека*

Я—концепция	Концепция Другого Человека
Основана на переживании бытия Я и бытия в Я	Основана на переживании присутствия в бытии Я Другого Человека, Другого Я.
Представлена на разных уровнях самообоснования активности Я как бытие в Я	Представлена на разных уровнях взаимодействия в бытии Я и в бытии в Я
Мера самообоснования Я переживается как сила Я , обеспечивающая воздействие на Другого Человека	Мера воздействия на Другого переживается как граница бытия Я , как сопротивление бытия в Я
Бытие Я реализуется в социокультурных условиях, бытие в Я структурируется с помощью знаков	Социокультурные условия организуют социальное пространство взаимодействия с Другим Человеком
Бытие в Я реализуется во множестве форм по принципу самоорганизации	Концепция Другого Человека определяется содержанием реализованного и реализующегося взаимодействия по принципу обратной связи.
Бытие в Я определяет логики взаимодействия с Другим Человеком как проявление меры воздействия и меры обратной связи	Концепция Другого Человека структурирует психическую реальность в её реальных и потенциальных границах как бытие Я
Я—концепция обладает устойчивой структурой с уровневой организацией	Концепция Другого Человека обладает устойчивой структурой с уровневой организацией
Я—концепция ориентирует активность в психологическом времени	Концепция Другого Человека ориентирует активность в историческом времени
Я—концепция обеспечивает наличие качества обратимости в психической реальности	Концепция Другого Человека обеспечивает присутствие качества относительности в психической реальности
Я—концепция через интериоризацию / экстериоризацию структурирует бытие в Я и бытие в не—Я.	Концепция Другого Человека через интериоризацию / экстериоризацию обеспечивает структурирование бытия Я на Я и не—Я.

В современном мире проблемы существования концепции **Другого Человека** часто выглядят далеко не безобидно. Они оказываются основой не только семейных, внутриличностных конфликтов, но и конфликтов межнациональных и межгосударственных.

Обыденная логика здравого смысла показывает, что есть варианты отношений с **Другим**:

- поглощение **Другого** за счёт неравенства сил;
- параллельное существование без взаимодействия, т. е. отказ от встречи и взаимодействия с **Другим**;
- взаимное преобразование в пространствах и временах по образцу – посреднику, т. е. неравному каждому из преобразующихся;
- самоуничтожение всех участников взаимодействия;
- взаимодействие на дистанции, обеспечивающей пространство и время для взаимных инсайтов, т. е. для сохранения уникальных качеств участников взаимодействия.

За каждым из этих вариантов – логика или логики самообоснования активности. В обыденной жизни бытия **Я** и бытия в **Я** выбор логики часто основывается на переживаниях принадлежности – «мое», именно оно определяет желания («могу мочь») направляющие активность как отдельного человека, так и групп людей.

На этом я закончу описание структуры психической реальности, оставляя за читателем все возможности критического отношения к написанному.

В заключение этой главы мне хотелось бы остановиться на одном из современных доказательств понимания психического развития. Оно построено на основе использования методов и данных разных наук. Таким доказательством является теория Даниеля Штерна¹⁰ (D. N. Stern), которая в настоящее время привлекает внимание своей аргументированностью и оптимистичностью.

Традиционно в психологии и педагогике исследуются возможности ребёнка, т. е. в организованном наблюдении объективно описывается и анализируется то, что младенец может делать, и при этом мало интереса к внутренней жизни ребёнка. Только в психоаналитических теориях пытаются изучить содержание переживаний младенца – то, что происходит в его внутреннем мире, когда он вступает в отношения с окружением. Психоаналитики предпочитают включенное наблюдение за контактами младенца с его окружением. Д. Штерн объединил оба метода и обогатил их, в его теории можно увидеть мост между старой поляризацией биологии и психологии, между телом и душой, между наследственностью и средой. Давно известно, что лучший способ исследования может быть создан на стыке наук. Это относится и к исследованию развития младенца.

Вместо конкуренции знаний из разных областей, каждая из которых предлагает свою истину, можно получить обогащённое знание. Д. Штерн рассматривает тело как целостность, которая регулируется наследственностью, биологией, средой и психологией в тесной и видимой связи. Сам он американец, у него пять детей, он – психиатр, психоаналитик и исследователь младенчества. Его интересует вопрос о том, что происходит во внутреннем мире младенца, когда он переживает сам себя и своё окружение. Д. Штерн один из тех исследователей и теоретиков психического развития, кто относится к ребёнку как к компетентному существу.

Известно, что один и тот же факт поведения ребёнка можно понимать по-разному.

Так, например, если мальчик не может концентрироваться и чересчур активен, то его отец может сказать, что он сам был таким же в детстве. В таком случае проблемы ребёнка могут пониматься как проблемы наследственности – тогда можно предвидеть, что ребёнок, когда вырастет, будет похож на его отца. Можно было бы думать, что ребёнок такой как он есть, потому что он не получил опыта концентрации в семейном воспитании. Можно было бы думать и так: «Несчастный ребёнок, у него врождённый недостаток, который ему достался от отца, это делает ситуацию мальчика ещё хуже». Вполне возможно и такое понимание: ребёнок такого типа мог бы иметь каких угодно родителей, он всё равно был бы таким, какой он есть – неконцентрированный и чересчур активный.

¹⁰ Мать, дитя, клиницист (Новое в психоаналитической терапии). Под ред. G. F. Vizzello, D. N. Stern. М., 1994. – 295 с.

Сегодня все точно знают, что ребёнок не рождается в мир чистым листом, на котором ничего не написано. Ещё в утробе матери дети индивидуальны. Все матери, родившие не одного ребёнка, знают, что дети ведут себя по-разному даже до рождения.

В 1960-1970-е гг. многие психологические теории обращали большое внимание на влияние социальной среды в развитии ребёнка, на содержание и формы связи родителей и детей¹¹.

Как только возникали какие-то проблемы, сразу искали источники этих проблем в отношениях ребёнка и родителей. Все логические конструкции для объяснения трудностей сводились к одной логике «Его мать такова, поэтому он...». Но есть и другая сторона отношений, которую можно увидеть в другой логике «Его мать стала такой, потому что ребёнок заставил её быть такой...» или «Ребёнок вынудил педагогов быть такими, какие они есть». Это всегда взаимозависимость – кто и как хочет, может и умеет реализовать себя в отношениях.

Очевидно, что младенец, который плачет по ночам и его трудно успокоить, требует от родителей иного внимания и заботы, чем младенец, который спокойно спит и хорошо ест. Самые любящие и опытные родители будут неуверенны и расстроены, если они не могут успокоить и развеселить ребёнка. Вопрос о том, кто на кого влияет в отношениях ребенка – взрослые превращается в вопрос о том, что первично яйцо или курица. На этот вопрос нет ответа, но есть очевидная зависимость, например, что ребёнок будет пугливым, если его мать чересчур заботлива.

Современная психология и педагогика исходит из того, что у родителей новорождённого нет задачи формировать индивидуальность ребёнка, он уже рождён как неповторимый человек. Родители должны узнать, встретить и соответствовать индивидуальности ребёнка, его ресурсам и возможностям. Это же относится и к воспитателям детских садов и яслей. Чем больше возможностей имеют взрослые для понимания и поддержки разных качеств ребёнка, тем больше у ребёнка возможностей для развития.

Возможности ребёнка зависят от содержания отношений со взрослыми, от умения взрослых видеть и поддерживать свойства индивидуальности младенца, в которых проявляется его самость. Говоря другими словами, развивающаяся природная индивидуальность ребёнка воплощается в формы, доступные для понимания другими людьми.

Считается, что заслуга Д. Штерна в том, что он описал как во взаимодействии с другими человек становится самим собой, как это становление выступает как данность для самого человека и для других людей.

Большинство из нас знает это из ежедневных переживаний присутствия себя самого для себя самого. Человек в переживании его **Я** выделяет своё тело, отличное по свойствам от окружения. Начинает выделять свойства своего внутреннего мира – чувства, мысли, движения как принадлежащие себе, он начинает обозначать в слове свойства своего внутреннего мира, разделять с помощью слов опыт переживаний с другими людьми и начинает через слова же использовать опыт других людей. Как правило, например, мы не думаем о том, как мы дышим, то же самое и самость – это нечто само собой разумеющееся, данное человеку как неотъемлемое свойство. Через рефлексию мы можем доказать сами себе существование самости как переживание самого себя. Самость – это то, что делает внутренний мир человека целостностью, то, что даёт возможность человеку на протяжении всей жизни чувствовать, что он – это он.

Существует множество бытовых форм описания самости – самочувствие, самоуверенность, самостоятельность, самореализация, самопрезентация и т. п. Самость – это нечто настоящее в человеке, то, что нельзя придумать или изменить. Человек ощущает присутствие в себе этого качества, когда говорит, что он может – не может быть самим собой. Ближайшее окружение воспринимает это качество человека в разных вариантах. Чаще всего как забвение самого себя или в противоположность этому качеству – погружённость в самого себя (это чаще

¹¹ <http://psylib.org.ua/books/obuhl01/txt01.htm>

воспринимается негативно). Все слова, описывающие последнее качество – эгоцентричность, самодовольство, самолюбование и т. п. – имеют негативный оттенок.

Когда появляется чувство самого себя? Взрослым может показаться, что оно появляется вместе со способностью к рефлексии и в возможности выразить себя в языке.

Согласно Д. Штерну самоощущение как чувство самого себя дано ребёнку с рождения, задолго до появления рефлексии и возможности пользоваться словом. Он считает, что у младенца есть способности, которые позволяют ему переживать постоянное присутствие развивающейся самости. К числу таких способностей младенца Д. Штерн относит ощущение причинности, ощущение когерентности, т. е. согласованности протекания в о времени и пространстве нескольких процессов, ощущение присутствия разных чувств (аффективность) и ощущение истории самости, т. е. своего прошлого.

Все эти виды ощущений младенца существуют, по мнению Д. Штерна, как инварианты самости. Все эти инварианты самости в течении жизни объединяются в возможности человека к запоминанию и абстрагированию, т. е. обобщению пережитого опыта. Этот абстрагированный, обобщённый опыт существует в эпизодической памяти как форма связи переживания самости и присутствия другого человека, его Д. Штерн называет RIG или генерализованная репрезентация взаимодействий. Как можно понять мысль Д. Штерна, это то обобщение пережитого отношения с другим человеком, которое имеет значение для всей последующей жизни, так как оно уникально по содержанию и представленности самости. Важным, по его мнению, является то, что в течении всей жизни человека существует способность сохранять и поддерживать невербальную память самости.

Он описывает как разные формы переживания самого себя проявляются в течении первых трёх-четырёх лет, как они взаимодействуют и развиваются во времени. Он отмечает, что ни одно из переживаний самого себя не исчезает, все они присутствуют в жизни человека как его жизненный опыт, который может существовать в связи с новыми переживаниями или относительно независимо от них. На протяжении всей жизни человек может обращаться к переживаниям самого себя, использовать их в настоящем и будущем времени жизни, а так же путешествовать в своё прошлое. Всё время происходит обмен содержанием переживаний самого себя с собой и с другими людьми.

Д. Штерн использует для подтверждения своей теории известные факты о развитии младенцев и современные данные об их исследовании. Основопологающим для него является тот факт, что существуют очевидные скачки в развитии младенцев, т. е. качественные преобразования их активности.

Эти «вдруг» изменившиеся формы активности младенца очевидны даже для неопытного наблюдателя. Их отмечают все – родители и исследователи. Вдруг ребёнок проявляет новое переживание самого себя, новое переживание от присутствия других, от того, что происходит вокруг. Такие скачки в развитии можно видеть в 2–3 месяца, около 9 месяцев, около 15 месяцев. Это то время, когда существенно меняются формы переживания ребёнком самого себя, других людей и окружающей обстановки.

Их можно описать как изменяющиеся способности ребёнка чувствовать потенциальные и реальные границы своих возможностей. Эти способности ребёнка интуитивно используют все взрослые, когда предлагают младенцу сделать то, что он ещё не умеет, но, по представлению взрослого, мог бы сделать. Многие исследователи детства отмечают, что сегодня взрослые ждут большей самостоятельности от детей и дают им больше потенциальных границ.

Д. Штерн считает, что развитие осуществляется на протяжении жизни, что нет специальных жизненных задач на каждом этапе, как это считает З. Фрейд, Э. Эриксон и др. Он считает, что важнейшая жизненная задача – становление доверия и самостоятельности это задача всей жизни, которая решается в разных формах через установление отношений зависимости – привязанности и автономии – самостоятельности с другими людьми. Сначала с родителями

– взрослыми, потом со всё большим числом людей. Сказать «нет» влиянию другого человека, противостоять ему в самостоятельном решении, цели, действию – это и есть содержание главной жизненной задачи.

При таком понимании развития ничего и никогда не будет поздно, всегда есть возможности для развития. Человек может меняться всю жизнь. Человек воздействует на других людей и сам меняется под их воздействием.

Все проблемы, с которыми он встречается, могут быть решены в настоящем. Нет необходимости идти назад в определённую фазу развития, чтобы изменить что-то в ней через специальные действия. В живой человеческой психике всегда найдётся саморегулирующая сила для изменения и развития. Она и есть основание для изменения и преобразования проблемы. Люди отличаются по силе саморегуляции – одни справляются сами, а другие нуждаются в помощи других людей.

Быть самим собой, уникальным и самобытным, но в то же время как все. Это – две линии развития как две стороны медали: автономия и самостоятельность и быть среди других людей, пережить эмпатию, близость и интимность, узнать себя в других людях и найти своё собственное **Я**.

По Д. Штерну человек рождается одиноким и развивается вопреки этому одиночеству через становление все более развитых контактов с другими людьми. Его интересует эта линия развития. В других теориях, например, в теории М. Малера, большее внимание уделяется развитию независимости, самостоятельности человека. Авторы теорий как значимые выделяют противоположные тенденции в активности ребёнка. Так, М. Малер считает, что нет ничего самостоятельного в ребёнке с момента рождения, он связан с матерью как одно целое. Нет ни **Я**, ни границ и т. п. Развитие идёт от этой связи к её разрыву и переживанию экзистенциального одиночества.

Д. Штерн считает, что младенец во всех периодах переживает наличие своих границ и границ других людей и предметов. Младенец – это компетентная, помнящая, видящая маленькая личность, которая уже через несколько месяцев после рождения показывает с очевидностью, что у неё есть своё ядро, свой центр. Это с большей или меньшей очевидностью знали всегда все матери, но не всегда могли это доказать другим людям.

Каждое новое переживание о самом себе означает, что ребёнок получает возможность проявлять себя для окружения в новой форме. Самим ребёнком это переживается как появление новой возможности структурирования своего внутреннего мира, в то же время осуществляющееся развитие заявит о себе видимо для других людей, что приведёт к изменению форм взаимодействия с ними.

Д. Штерн описывает пять различных типов переживаний самого себя как переживаний самости, которые показывают качественные скачки в её развитии, в течение жизни последовательно появляются следующие виды переживаний:

- растущая самость (*the sense of an emergent self*) – существует с рождения;
- ядерная самость (*the sense of a core self*) – переживание ядерной самости вместе с другими проявляется в 2–3 месяца;
- интерсубъективная самость (*the sense of an intersubjective self*) – проявляется в 8–9 месяцев;
- вербальная самость (*the sense of a verbal self*) – проявляется в 15–18 месяцев;
- нарративная самость (*the sense of a narrative self*) – в 31 месяц – 2 года (возможность рассказать о себе).

Каждое из этих переживаний основано на специфических ощущениях. Растущая самость имеет основу в самочувствии, ядерная самость – в переживании присутствия другого человека, во взаимосвязи с другими, интерсубъективная самость – в самосознании – понимании себя, вербальная самость основывается на диалоге с другими людьми, нарративная самость осно-

вываается на связном рассказе самому себе и другим о самом себе воспоминании. Человек не пребывает в какой-то одной форме переживаний, он постоянно меняет их, наблюдатель видит как у ребёнка новая и уже сформировавшаяся форма переживания начинает присутствовать во взаимоотношениях с другими людьми и с собой. Все типы переживаний присутствуют на протяжении жизни, ни об одном из них нельзя сказать, что оно завершило своё развитие.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Как Вы можете объяснить, что такое переживание? Приведите примеры Ваших личных переживаний. Докажите, что это именно переживания, а не другие формы существования концепции **Я** в психической реальности.
2. Какое значение для развития человека имеет дифференциация бытия **Я** на **Я** и **не-Я**? Приведите примеры такой дифференциации.
3. Как во взаимодействии людей проявляется наличие психологического пространства и психологической дистанции?
4. Приведите бытовые примеры концепций **Другого Человека**. Объясните, как содержание этих концепции **Другого Человека** влияет на бытие в **Я**.
5. Почему надо изучать строение самосознания как бытие в **Я**?
6. Что такое историческое время? Как оно представлено в психической реальности человека?
7. Какие изменчивые и относительно устойчивые свойства есть в психической реальности человека?
8. Что такое инсайт? Как он переживается человеком?
9. Что такое самость по Д. Штерну?
10. Какое значение для понимания строения психической реальности имеют идеи Д. Штерна о психическом развитии как процессе длиной в человеческую жизнь?

Глава 3

Психическая реальность и картина мира

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, —
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!*

А. Кочетков из стихотворения «Баллада о прокуренном вагоне».

– Мы наши, мы новый мир построим...

(Слова из песни).

*– То ли ещё будет, то ли ещё будет,
то ли ещё будет ой-ой-ой...*

(Слова из песни).

Ключевые понятия: структура психической реальности, устойчивые и изменчивые свойства, картина мира, свойства психической реальности.

В результате изучения данной главы студенты должны:

знать свойства психической реальности: обратимость, опосредованность;

уметь фиксировать свойства психической реальности в фактах жизни человека;

владеть рефлексией на свою психическую реальность

Вопрос о месте психической реальности в картине мира в истории науки не теряет своего значения.

Актуальность этого вопроса в истории психологии связана со множеством теорий и гипотез. Обычно их пытаются группировать и классифицировать по разным признакам в биогенетические и социогенетические подходы.

Биогенетические предполагают исследование свойств психического как природных, присущих организму человека функций: меняется во времени организм – меняются и его функции, что естественно. Социогенетические подходы рассматривают психическое как производное от социальных условий жизни человека, то есть от внешних по отношению к организму факторов. Соответственно, свойства психического зависят от изменения свойств этих социальных условий.

Для нашего рассуждения важно, что попытки выделить специфические свойства психической реальности предпринимались и предпринимаются в истории психологии постоянно. Не стремясь утомить читателя перечислением множества научных школ и авторов, обращавшихся к этим проблемам, отмечу, что так или иначе (на разном конкретном материале) многие авторы приходят к констатации того факта, что в психической реальности человека есть *устойчивые, относительно устойчивые* и *изменчивые параметры*.

Со времен Гиппократов известно, например, об устойчивости темперамента; а сколько страниц (уже в XX в.) посвящено неизменности качеств характера и Юнгом, и Левитовым, и Адлером, и Маслоу, и Платоновым. Достаточно взять любую книгу о способностях человека (Н. Лейтес, Э. А. Голубева, Айзенк, Анастаси и другие), и опять в ней – выделение устойчивых и изменчивых компонентов удивительной продуктивности людей, обладающих способностями, и трудность и определение устойчивых черт психической реальности, говорящих о наличии самих способностей, особенно так называемых общих способностей, присущих и с: ем людям, Хотелось бы высказать и обосновать предположение о том, что для человека его ориентация на психическую реальность связана с выделением ее главного свойства – обратимости и обобщения его **Я-концепции** и концепции **Другого Человека**.

Обратимость – главное и специфическое свойство психической реальности. Это подробно известно благодаря работам Ж. Пиаже¹², о выдающемся вкладе которого в современную возрастную психологию написано много, но, думаю, все равно этого недостаточно для того, чтобы оценить в полной мере значение его работ. Итак, обратимость как свойство психической реальности в картине мира человека задает это качество, которое метафорически хотелось бы сравнить с размером этой картины, соотносимостью этого размера человеком с самим собой, с наличием себя и своей позиции.

Попробую рассказать то, что поняла сама и считаю важным местом в рассуждениях Пиаже.

Развитие, то есть качественное изменение любой системы во времени (а психическую реальность, как и любой предмет, можно представить в виде системы), происходит не только во времени, но и в пространстве. За счет этого процесс развития может достигнуть своего предела как предела изменения системы. В момент, связанный с достижением этого предела, наступает равновесие в состоянии системы, она как бы на время находится в состоянии относительного покоя, в ней нет очевидного движения – изменений.

Естественно, что все свойства системы (психической реальности) в этот момент изменяются таким образом, что в них происходят качественные преобразования, необходимые для дальнейшего изменения системы. Так как в это время потенциал изменения системы исчерпан, начинаются изменения в ее структуре, то есть начинается преобразование внутри системы за

¹² <http://psylib.org.ua/books/obuhl01/txt01.htm>

счет движения в ранее устойчивых элементах структуры. Функция, то есть назначение системы (психической реальности), сохраняется, она живет, но жизнь осуществляется уже за счет других механизмов, связанных со структурными преобразованиями в системе.

Необходимо добавить, что существует предел структурных преобразований системы, связанный с выполнением его основных функций, того, что Ж. Пиаже называет связью с «морфогенетическими свойствами самой жизни», со «специфической адаптацией» – безграничной и уравновешенной.

Для нашего рассуждения важно, что понятие обратимости, введенное Пиаже, позволяет обсуждать параметры пространства психической реальности как данность, как факт, а не только как метафору, соотносимую с метафорическим же содержанием картины мира.

Пространство психической реальности задается пределом ее изменчивости. Вспомните из личного опыта свои переживания: «Больше не могу», «Лучше уже не получается», «Ничего здесь не понимаю», «Об этом можно говорить без конца», «Это нельзя терпеть» и тому подобное. Эти очень близко обнаруживаемые в опыте каждого человека переживания помогают почувствовать наличие предела у различных качеств психической реальности. Для одних качеств этот предел кажется бесконечным, например, для желаний («Я хочу»), для других весьма реально ограничен, так, о своих возможностях можно сказать весьма конкретно: «Я могу то, что я могу» или раздвинуть эту границу: «Я сам не знаю, на что я еще способен, я еще такое выкину».

Структурные изменения в своей психической реальности мы тоже можем заметить сами: «Надо все записывать – ничего так не помню, не то, что раньше», «Я теперь все по-другому воспринимаю, более остро», «Тогда я поняла, что уже никогда не смогу открыто выразить свои чувства» и тому подобное,

Существование различных качественно отличающихся отрезков времени в психической реальности может отметить как сам человек, так и наблюдатель. Так, мы можем сказать: «С того момента вся моя жизнь изменилась», «Я больше не мог никогда заставить себя делать это», «С этого времени я стал более черствым», «Я тогда словно потерял чувствительность к боли», «Я с тех пор перестала сопротивляться жизни» и т. д.

Другими словами, обратимость как важнейшее свойство психической реальности дает возможность человеку жить не только в актуальном настоящем времени, но и в прошлом, преобразованном в свете настоящего и будущего. Прошлое (события жизни человека), пережитый опыт не уходят из психической реальности и не остаются в ней без изменения, а за счет вариантов изменений, соответствующих его свойствам, именно его свойствам (например, свойствам произвольной памяти или свойствам аффекта), то есть «мобильной композиции», обеспечивают стабильность психической реальности. Это делает их узнаваемыми друг для друга и для самих себя. Становится не так уж важно, что я делаю, важно, что делаю **Я**. Благодаря обратимости человеческая психическая реальность может не только изменяться, качественно преобразовываться, но и сохранять свои свойства, возникшие в результате изменения, поэтому индивидуальность каждого человека обеспечивается (с этой точки зрения) «морфогенетическими свойствами самой жизни», хочется добавить – его, человека, жизни.

Какая она – жизнь? Какие у нее эти «морфогенетические свойства»?

Эти вопросы легче задать, чем на них ответить. Думаю, что данный текст и не предполагает необходимости дать абсолютно полный ответ на этот вопрос. Для дальнейшего анализа важно то обстоятельство, что через свойство психической реальности – обратимость – у человека есть возможность создавать картину мира и переживать этот процесс отдельно от его результата – содержания и формы созданной им картины.

Говоря иначе, можно быть в мире и не принадлежать ему, существование организма еще не гарантирует человеку появления картины мира, для этого он должен проявить особую активность, активность, аналогов которой нет в органическом мире. Пока обозначим ее как актив-

ность по построению **Я-концепции**, конкретизирующую для самого человека его же собственную сущность. Это варианты ответа на вечный вопрос: «Кто **Я**? Зачем **Я**?» Ответить на него можно в контексте более широких вопросов: «В чем сущность человека? Зачем живут люди?»

Обращенность на **Я** – особая форма обратимости, обеспечивающая устойчивость качеств психической реальности. Остается только разобраться, что входит в **Я** человека, а это значит еще и еще раз вернуться ко всей истории мировой философской и психологической мысли. Есть блестящие научные тексты, которые позволяют читателю это делать самостоятельно.

Я же, ориентируясь на право автора представлять в тексте свою позицию, воспользуюсь им в полной мере.

По-моему, возрастная психология пытается изучать те изменения, которые происходят в психической реальности, ориентируясь как на главный вектор направления изменения – физическое время жизни человека. Именно отрезками физического времени фиксируются фазы существенных изменений, создающих основу для постоянных качеств психической реальности. Хотя и осознается относительная неточность границ этих фаз, но они широко используются для понимания закономерностей индивидуальной жизни человека с точки зрения других людей. Хотелось бы, чтобы читатель обратил внимание на этот момент. Одним важно знать, сколько ребенку лет, чтобы за него верно платили в транспорте, другим важно знать, сколько ребенку лет, чтобы его приняли в спортивную секцию, чтобы он отвечал за себя сам перед судом, чтобы он нес ответственность по закону, чтобы он принял участие в выборах, чтобы он получил водительские права, чтобы...

Через отношение других людей физическое время жизни становится содержанием – человека, регулирующим его место в системе отношений, определяющим границы этого места.

Хотелось бы высказать предположение, что это одно из образований в психической реальности человека, которое констатирует ее обратимость как предмета. Переживание своего возраста как физического времени жизни, которое значимо с точки зрения других людей, задает (в известной степени) предел изменениям. Когда мы будем характеризовать различные возраста человека, то убедимся в этом на конкретных фактах.

Особенность этого переживания – своего места в системе человеческих отношений – состоит еще и в том, что оно ориентирует каждого из нас в наших правах и обязанностях, регулирующих (как социальные нормы) движения человека в самих этих отношениях. Другими словами, определение (через переживание возраста) места в системе отношений с другими людьми приводит человека к необходимости «обживать» это место – организовывать и структурировать его, то есть обозначать его (места) наличие. Это и помогает создать права и обязанности, которые позволяют обозначить наличие самого места и его качественное своеобразие по сравнению с другими. Права каждого человека, провозглашенные в настоящее время всемирно известной Декларацией прав человека, признают (с этой точки зрения) наличие для каждого человека необходимого ему жизненного пространства, в котором будет организована не только жизнь его организма, но и его психическая реальность. Говоря метафорическим языком, права указывают на необходимость для каждого человека иметь дом для души, или иначе – почву для роста.

Обязанности наполняют этот дом содержанием, и как все люди, каждый человек обязан обставить свой дом тем, что объединяет его с родом человеческим, чтобы самому быть человеком. И если его дом уязвим извне, то внутреннее устройство дома во многом определяется усилиями самого человека, принятие и выполнение обязанностей по устройству дома души обязательно связано с отношением к ним самого человека.

Можно иметь право и не пользоваться им. Если продолжить сравнение, то это похоже на темную комнату в доме. Но быть обязанным и не выполнять обязанности – значит не убирать свой дом, не следить за его сохранностью или делать это чрезмерно. И если нежилая комната

сужает жизненное пространство, то неубранный (или стерильный) дом постепенно теряет свое назначение – в нем становится невозможно жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.